ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 55 (4021)
Суббота,
9
мая
1959 г.

Цена 40 коп.

В День Победы — Фото А. Гличева

Андрей ЛУПАН

ЗВЕЗДА

За сельской дорогой прямою
есть холмик, поросший травою,

степными дождями омытый,
степными цветами укрытый.

Над красной звездой обелиска
деревья склоняются низко...

Вон там, где трава закачалась,
дорога солдата кончалась.

Настигнут осколком железным,
он пал никому не известным...

Пришли сюда грустные вдовы,
простые крестьянки Молдовы.

Отрыли могилу солдату,
поставили скорбную дату

и, полные тихой печали,
над свежей землей помолчали...

С тех пор за оградой резною
цветы вырастают весною.

Над красной звездой обелиска
деревья склоняются низко.

Все та же лоза виноградa.
Все та же звезда и ограда...

К звезде этой нынче, живые,
придите, как будто впервые,

вокруг нее землю вспашите.
Спешите, живые, спешите!

У буков, за старой криницей,
все поле засейте пшеницей,

чтоб рядом с солдатом качалась,
чтоб жизнь его век не кончалась!

Перевел с молдавского
Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

Михаил НАЙДИЧ

ЦВЕТЫ

Я не сажал цветы,
А только рвал их
И клал для маскировки на окоп.
Вставал не раз — в кровоподтеках
алых —
За бруствером
Разрыва черный снег.
Тюльпаны никли.
Прочно копоть въелась.
И стебельки валялись тут и там.

...А так порой хотелось,
Так хотелось
Принесть лицом вспотевшим
К тем цветам!
И кто-то, видно, знал желанья эти.
И нас, уставших
После всех дорог,
Встречал цветами — лучшими на
свете —
Освобожденный с боем городок!

Да здравствует жизнь!

Ян ДРДА,
чехословацкий писатель

ДАЖЕ сегодня, спустя четырнадцать лет, минувших со дня освобождения, проезжая через городок или село, вы можете увидеть на облупившемся заборе или стене дома почти уже стершуюся надпись: «Хозяйство Медведева» или «Мин нет. Проверено. Смирнов».

Остановившся перед этими наскоро выведенными словами, и повеет на тебя волнующей атмосферой мая 1945 года, который навсегда останется самым радостным впечатлением нашей жизни.

И хочется попросить наших пионеров в больших городах или селах: ищите, ребята, все эти драгоценные свидетельства, записывайте их, перерисовывайте, фотографируйте, не допускайте, чтобы они исчезли! Даже простые саперные знаки, обыкновенные стрелки-указатели, под которыми поставлены инициалы, мы, чехословаки, храним в своей памяти, как дорогие нам реликвии. Ведь когда они появились, решался вопрос жизни и смерти наших народов. И те, кто в спешке бои оставлял подобные знаки, разрешили для нас этот вопрос. В своих простых рабочих или крестьянских руках принесли они дар свободы и жизни. В глубоких корнях цветущего дерева, каким сегодня стала наша жизнь, — их пот, их кровь.

В Кладно воздвигнут замечательный памятник советскому воину: у него молодое, озаренное светом человечности, широкое лицо. Он смотрит куда-то вверх и вперед и, как бы приветствуя будущее, поднимает в руке букет весенних цветов.

Я люблю этот памятник. Небольшая его копия есть у меня дома. Когда бы и ни посмотрел на него, вспоминаю о самом счастливом дне моей жизни, о той утренней минуте, когда увидел первого советского воина, бегущего по пражской улице с автоматом в руках, чтобы выполнить приказ: обезвредить последнего фашиста, спасти Прагу и пражан, спасти детей, спрятавшихся в подвалах от убийц.

Через два часа в тот день я снова увидел его лицо: с него уже исчезло напряжение боя, оно излучало свет, который не стерли ни дым сражений, ни пыль дорог. Это был посланник нового гуманизма. Несмотря на все препятствия, он достиг цели, и глаза его уже видели завтрашний день, завтрашние цели.

Когда я читал доклад Никиты Сергеевича Хрущева на XXI съезде, снова и снова вставали передо мной хорошо знакомые лица советских людей, что трудятся сейчас у доменных печей, за штурвалом комбайна, у точных приборов научных лабораторий; людей, с которыми впервые познакомились мы в мае 1945 года. И среди них те, кто, может быть, написал 14 лет назад на наших стенах памятные простые слова; кто в перерыве между боями сажал наших детей себе на плечи.

Вспомните только те 14 лет, что прожили мы все, кому больше тридцати! Какая, даже самая смелая фантазия поэта смогла бы подняться так высоко, как поднялась ныне советская действительность. Чего достигли, куда долетели, сколь многого добились советские люди!

Вспомните только, как тогда, в годы войны, шли советские люди от Сталинграда на Запад, метр за метром, битва за битвой, удар за ударом, вопреки всему, неудержимые, с величайшей внутренней силой преодолевая непреодолимое, достигая невозможного!

Так они идут и сегодня, в годы великой борьбы за сохранение мира во всем мире, за будущее человечества, за осуществление идеалов коммунизма.

И в этом гигантском порыве нет ничего от сверхчеловека, от метафизики — она не существует для них. Их неудержимое продвижение вперед, непобедимость совсем в ином. Это простые люди с открытой душой, преисполненные гуманности, люди, которые сильны правдой, той коллективной правдой, что объединила их, правдой великой Коммунистической партии.

Вспоминаются те страстные слова, которыми мы обменивались 14 лет назад в мае в Праге, едва изучив несколько русских фраз, едва привыкнув понимать язык. Вновь и вновь, словно люди, испытывающие жажду и стремящиеся утолить ее, говорили мы с советскими солдатами. И простая сила правды, заключенная в их словах, волновала, покоряла, пленяла нас. Сколько людей, пренебрегавших до того времени «политикой», стали вдруг видеть и думать по-иному! Сколько плодотворного волнения вселили в наши сердца и мысли посланцы Советской страны, принесшие слова правды!

Все это связано с нашим нынешним днем! Из семян, брошенных тогда, взошло нечто новое, небывалое. Многие из нас, людей старшего поколения, чувствуют, что их жизнь как бы делится на две части: до мая 1945 года и после освобождения страны Советской Армией, вплоть до настоящего дня.

В дни памятного мая многие из нас вступили в партию. И из этих людей выросло немало твердых, целеустремленных строителей социализма. Они отдают все свои силы, трудясь на самых ответственных и важных участках во имя успешного завершения строительства социализма.

Недавно я совершил поездку по чешской провинции, побывал в селах, в небольших и крупных городах, на заводах, в сельскохозяйственных кооперативах, школах, среди бойцов-пограничников. Я беседовал с сотнями тружеников многих отраслей народного хозяйства. И поверьте мне, с каждым часом во мне росло чувство радостной гордости от того, что я увидел. Как много могут сделать, создать, улучшить, построить своими искусными руками наши люди!

И не только в этом дело. Подавляющее большинство из них ясно осознает, почему и во имя чего творят они, какой глубокий смысл имеет наше строительство. Завершение строительства социализма в Чехословакии стало для миллионов людей личным делом, личной задачей, делом души. Мы хотим не просто присутствовать при этом строительстве, нет. Мы хотим вносить свой вклад в коллективное дело. Мы хотим быть теми, кто непосредственно творит, создает.

Позавчера я получил из Минеральных Вод телеграмму: она очень обрадовала меня. Ее прислал герой моего нового романа, над которым я работаю над ней. Это бывший командир партизанского отряда Евгений Антонович Олешинский, организатор партизанского движения в Подбрдском районе, освобождавший вместе со своими бойцами город Пршибрам 5 мая 1945 года. Долгие годы я считал, что Евгений Антонович погибал от ранения. И только в прошлом году узнал, что он жив. В телеграмме Олешинский, между прочим, пишет:

«Прошу передать привет всем защитникам Праги, принимавшим участие в боях против нацистских захватчиков...».

Мне хочется только одного: снова с любовью посмотреть на этого прекрасного советского человека, с такой сердечностью вспоминающего наших людей, человека, с боями пришедшего в Чехословакию, чтобы освободить нас. Мы хотели бы взять его за руку, показать район, который он освобождал, показать, каким цветущим стал Пршибрам, выросший в три раза по сравнению с тем, каким он был, когда его освобождали советские солдаты. Хочется сказать ему, всем советским братьям:

— Мы не сидели сложа руки. Ваши жертвы не были напрасны. Вы помогли нам создать то, что для нас дороже всего. Вы научили нас строить социалистическую Чехословакию!

Мы никогда, никогда не забудем этого!

ПРАГА, 8 мая. (По телефону)

Славная традиция эпохи

И. ГОРЕЛИК

СОТНИ важных и тысячи, на первый взгляд, мелких, проходящих событий сотрясали в майские дни 1919 года земной шар.

В огромном торжественном зале Версальского дворца премьер-министр Франции Клемансо вручил представителям побежденной Германии жесткие условия мира. И граф Брокдорф-Ранцау, бледный от унижения, пришел дрожащими руками толстый том... В Берлине началась комедия судебного процесса над убийцами Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Подсудимыми были офицеры гвардии и флота, а судьями — ничем не отличавшиеся от убийц Либкнехта палачи германских рабочих... Генерал Юденич двинул свои войска на Петроград... Крестьяне Вологды отправили в голодную Москву 693 пуда сливочного масла... Еще одно восстание против английских колонизаторов было подавлено в Египте... Свыше двухсот коммунистов и сочувствующих Московско-Казанской железной дороги провели 10 мая первую «коммунистическую субботу». Они добровольно и совершенно бесплатно отработали сверх положенного им времени шесть часов.

В бурном, кипящей жестокими страстями Европе, только что закончившей империалистическую войну, прошло незамеченным такое, казалось бы, незначительное событие, как сверхурочная бесплатная работа каких-то никому не ведомых людей с подмосковной станции Перово. Клемансо, Вильсон и Ллойд Джордж делали «большую политику» — они раздевали Германию, когда-то мечтавшую раздеть всю Европу, — что им было за дело до московских железнодорожников?! И генерал Юденич, уже видевший себя гарцующим на белом коне по Невскому проспекту, конечно, слыхом не слыхивал о «коммунистической субботе», не предполагал, что та же великая идея, которая подняла людей после тяжелого рабочего дня на трудовой подвиг, приведет тысячи простых рабочих в окопы под Питер, чтобы разгромить войска Юденича.

Но был Ленин, который усмотрел в первом массовом коммунистическом субботнике явление чрезвычайного значения и назвал его **«великим почином»**, фактическим началом коммунизма. Ленин сказал, что коммунистический субботник имеет бо́льшее историческое значение, чем любая победа Гинденбурга или Фоша и англичан в империалистической войне 1914—1918 гг.

Сорок лет прошло с тех пор. Сменилось несколько поколений. Неотъемлемой частью всей истории нашей Родины стали «коммунистические субботники», как стали они одной из самых светлых страниц в биографии советских людей. Один с гордостью рассказывает внукам, как разгружали баржи на пристанях, теплушки на станциях, как сортировали металлические части машин в холодных цехах возрождавшихся к жизни заводов; другие — делился с сыновьями тем, как с ломами и кирками врезались в мерзлую землю Магнитки и Кузнецка, как проводили штурмовые ночи на Сталинградском тракторном, как отдавали свободные дни возведению корпусов в деревне Монастырка под Нижним-Новгородом... А третьи... Для третьих — субботники еще не стали воспоминаниями, это живая традиция, воплощенная в делах сегодняшних строителей семилетки.

ЧТО ЗАСТАВЛЯЕТ одного токаря соревноваться с другим? Сталевара со сталеваром? Прядильщицу с прядильщицей? Что объединяет людей в бригады коммунистического труда?

Есть в мире две дисциплины: дисциплина голода, с одной стороны, а с другой — дисциплина сознательных и объединенных работников, не знающих над собой никакого ига.

Когда-то, собирая материал для книги о Горьковском автомобильном заводе, я познакомился с инженером Павлом Александровичем Камышевым.

Он был в числе тех, кто в первые годы пятилетки побывал в США, работал и учился у Форда. Однажды в Детройте Камышев нанимал калибровые скобы. За другим станком работал высококвалифицированный инструментальщик — американец. Он тоже шлифовал скобы. Работа тонкая, умная.

Камышеву нравилось, как ритмично трудился американец. И тогда Камышеву пришла привычная мысль: дайка я с ним посоревнуюсь! Кто больше отшлифует скоб?

Внезапно подошел мастер. Ни слова не говоря, он схватил Камышева за руки, придержал их в своих руках и так же молча, ловким движением выключил его станок.

— В чем дело? — растерявшись от неожиданности, спросил Павел Александрович.

— Мистер Камышев, — медленно процедил мастер, — поглядите туда!— Он кивнул в сторону тумбочки соседа, на которой рядком лежали 27 скоб, потом перевел взгляд на тумбочку Камышева — здесь уже выстроились 40 скоб — и добавил с укоризной: — Вы хотите, чтоб его уволили?

На том я окончилось необъявленное соревнование двух слесарей.

Один — подчинялся дисциплине голода. Он знал, что увеличение производительности труда выбросит его самого или же его товарищей по работе за ворота завода.

Другой — подчинялся дисциплине сознательного коллективного труда. Всякое увеличение выработки рабочими в его стране обещало рост благосостояния и этого рабочего, и всех его товарищей.

Что ж, много лет прошло с тех пор. Может быть, изменилось положение? Пропагандисты «свободного предпринимательства» утверждают, что капитализм стал иным, «прогрессивным». Так ли это?

Действительно, производительность труда в Америке очень высока. Она все еще выше, чем производительность труда в Советском Союзе. И, однако, вместе с ростом производительности труда в Америке увеличиваются и бедствия народные.

В данном случае нет основания не верить таким противникам коммунизма, как председатель АФТ — КПП Джордж Мини, или председатель объединенного профсоюза рабочих автомобильной и авиационной промышленности Уолтер Рейтер, или сенатор Поль Дуглас, или председатель профсоюза железнодорожных служащих Джордж Гаррисон. Все они в один голос говорят о чудовищной безработице — этом национальном бедствии, которое усиливается вместе с ростом производительности, с механизацией и автоматизацией.

Около пяти миллионов безработных в США — вот один из итогов «процветающего» капитализма!

«Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, — писал В. И. Ленин после первых коммунистических субботников, — что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда. Это—дело очень трудное и очень долгое, но *оно начато*, вот в чем самое главное».

Оно было начато тогда, в 1919 году. И подобно тому, как с каждым пятилетием уменьшался разрыв между выпуском продукции на душу населения в СССР и США, так уменьшается разрыв и в показателях производительности труда.

Дело долгое и трудное, но дело реальное.

Уже в эти семь лет мы должны поднять производительность труда в промышленности в полтора раза и, значит, приблизиться к производительности труда американцев.

Приблизиться. Потом подойти вплотную. А вслед за тем и обогнать.

ЕСТЬ в Донбассе шахтер Николай Мамай. Имя его ныне известно всей стране. Каждую смену давать уголь сверх плана! — вот девиз, с которой приходит в шахту и уходит из нее горняки бригады Мамая.

То, что страшило соседа Камышева в Детройте, стало органической потребностью для Мамая и его товарищей.

И как бы перекликаясь с ним, другой донецкий забойщик Александр Кольчик решает столь же сложную задачу: экономить на каждой тонне угля не менее одного рубля! Может ли прийти в голову такая мысль рабочему с фордовского завода?!

Не так давно я присутствовал при отладке ленинградского копировально-фрезерного автомата, одним из создателей которого был талантливый конструктор Дружинский. Отладка сложного станка с электронным устройством вот-вот должна была закончиться. Собственно говоря, станки этого типа уже находились в эксплуатации, но инженеры не прекращали их совершенствовать.

— Видите этот станок? — сказал мне Дружинский. — У него много авторов, людей, о которых, может быть, я не вспомнил, когда будут писать об этом автомате...

И на мой недоуменный вопрос конструктор не спеша ответил:

— Когда мы выпустили первые образцы нашего станка, рабочие на заводах поначалу отнеслись к нему с недоверием. Станок был сложен, капризен... Казалось, удобнее и привычнее работать на старых станках. Есть такой фрезеровщик — Гаврилин, не помню точно, как его имя-отчество. Кажется, Александр Степанович. Живет он на Волге. И вот Гаврилин стал за этот станок, решив во что бы то ни стало его освоить... Недавно я получил от него письмо. Хотите посмотреть?

Письмо это лежит сейчас передо мною. Я приведу из него несколько отрывков, ничего не меняя в стиле автора.

«На станок нашего производства я пошел работать по собственному желанию, так как хотел расширить свои знания и опыт как фрезеровщик. И, несмотря на сложившееся мнение о станке, я верил, что не столько виноват станок, сколько виноваты работники, работавшие на нем. И второе, что убедило меня стать на данный станок, — это желание отстоять честь нашего станка перед станками «Келлер» и вообще заграничными станками.

После того, как я проработал на станке 10 месяцев, могу с гордостью заявить, что мне это удалось, и сейчас я работаю со сменщиком, которого обучил, и нам доверяются все работы. Мнения о станке теперь таковы, что станок полностью соответствует своему назначению, а особенно на тяжелых работах».

За этим следовало пять страниц подробнейшего анализа, который, право, сделал честь любому конструктору или ученому-технику. «Вопросы по механической части», «вопросы по электрической части», чертежики, эскизы... А кончалось письмо так:

«Письмо писал с намерением хоть немного да способствовать усовершенствованию нашего советского станка».

Что заставило А. С. Гаврилина добровольно пойти работать на новый сложный и капризный станок? Ведь это, несомненно, сулило ему, на первое время, и снижение заработной платы, и трепку нервов. Что побудило его так кропотливо изучить этот станок? Тратить свободные от работы часы на составление подробного письма-исследования, т. е. на то, что не является его прямой обязанностью?

То самое, что вело перовских железнодорожников на субботники в 1919 году, то, что заставляет Александра Кольчика экономить рубль на каждой тонне угля, а руководителя бригады коммунистического труда Николая Мамая регулярно, каждую смену перевыполнять норму. **Великая идея коммунизма, великая цель созданий нового, коммунистического общества.**

А коммунизм начинается там, говорит Ленин, «где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота *рядовых рабочих* об увеличении производительности труда, об охране *каждого пуда хлеба, угля, железа* и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом...»

НА НОВОСТРОЙКИ...

На днях бюро ЦК КП Узбекистана на заседании, посвященном обсуждению итогов декады узбекского искусства и литературы в Москве, рассмотрело творческие заявки писателей республики. Бюро ЦК КП Узбекистана одобрило инициативу писателей А. Мухтара, А. Уделова, Х. Назира, С. Ахмада и других о поездке на длительное время на крупнейшие стройки, в колхозы и совхозы республики для создания новых произведений.

Самые интересные встречи

Стихи на камне

ОСЕНЬЮ позапрошлого года я совершил поездку по Болгарии, побывал и на Шипке. Здесь на одном из памятников укреплена беломраморная плита, увенчанная красной звездой, серпом и молотом.

На мраморе начертано:

1877 1944
сентябрь
ГЕРОЯМ ШИПКИ
от имени частей
3-го Украинского фронта
победоносной
Красной Армии

Вдали от русской матери-земли,
Здесь пали Вы за честь
Отчизны милой,
Вы клятву верности
России принесли
И сохранили верность
до могилы...

И дальше шли стихи, которые мне и раньше приходилось встречать в газетах, журналах, книгах.

— Кто автор этого стихотворения? — поинтересовался я у своих болгарских спутников.

— Автор неизвестен,— ответил Цонко Генов, старший научный сотрудник Софийского музея русско-болгарской боевой дружбы. — Мы даже не знаем, кто и где изготовлял эту мемориальную доску...

Вернувшись из Болгарии, я прежде всего обратился в центральным газетам и журналам военных лет, впервые перепечатавшим стихотворение «Героям Шипки». Нигде, однако, автор не был названа. Я вспомнил, что советско-болгарский фильм «Герои Шипки» заканчивается хором, в котором звучат слова этого же стихотворения, но и на киностудии никто не смог назвать имени автора. Не знали его и в Главном политическом управлении.

— Быть может, кто-либо из членов Военного Совета бывшей 37-й армии помнит, — высказал предположение офицер, с которым я беседовал. — Членом Военного Совета был тогда генерал-майор Соснов...

— Владимир Васильевич?

— Да. А вы знаете его?

— Как не знать — знакомы!

В тот же день я поспешил во Владимир.

— Знаю ли я автора стихотворения «Героям Шипки»? — переспросил Владимир Васильевич. — Если не изменяет память, его фамилия Горилевский, а вот имени — не запомнил.

Где он сейчас, чем занимается?

— После войны я поехал его из виду. Может быть, у бывшего начальника политотдела армии полковника Мельникова есть какие-нибудь сведения?

Полковник Мельников сумел сообщить немногое: Горилевский был гвардии майором, зовут его Леонидом, живет на Украине, по всей вероятности, в Киеве.

Письма в Киев на имя Леонида Горилевского вернулись: «Адресат не значится».

Еду в Киев, расспрашиваю о Гориловском всех знакомых, звоню в редакции газет, обращаюсь за справкой в Оргбюро Союза журналистов Украины.

— Нет, Леонида Горилопского среди членов союза не значится. А вы уверены, что Гориловский это фамилия, а не псевдоним? У нас есть Леонид Горилович, может быть, это тот самый человек, которого вы ищете?

Звоню по телефону Гориловичу. Спрашиваю:

— Вы в 37-й армии служили?

— Да.

— А вы не знаете, кто автор стихотворения, высеченного на мемориальной доске на Шипке?

— Вы имеете в виду:

Вдали от русской матери-земли...

— Это стихотворение написал я. — И по телефону Горилович читает мне стихотворение от первой до последней строки. А спустя полчаса я вхожу в комнату небольшого двухэтажного дома на Владимирской улице и знакомлюсь с автором.

— Мысль увековечить память о вторичном освобождении Болгарии от иноземных захватчиков принадлежит коллективу редакции армейской газеты, — рассказывает Леонид Горилович. — Эту инициативу горячо поддержали командование и все воины. Мне поручили написать стихотворение, а моему другу художнику Ивану Григорьевичу Лосю — оформить мемориальную доску.

— Стихотворение это — плод коллективного творчества, — продолжает Горилович. — Каждое слово, каждая строка горячо обсуждались всей редакцией. Внес свою лепту и командующий войсками 3-го Украинского фронта Маршал Советского Союза Федор Иванович Толбухин, выступив в необычной для него роли редактора поэтического текста.

Позже мемориальные доски с этими же стихами были укреплены на храме-памятнике в селе Шипка, в Плевене — на храме-мавзолее и в Скобелевском парке.

За боевые заслуги во время Великой Отечественной войны Леонид Горилович награжден восемью советскими орденами и медалями. Как дорогую память о пребывании в Болгарии, о встречах с болгарскими партизанами, он хранит скромную книжечку — свидетельство о награждении его медалью за участие в Отечественной войне 1944—1945 гг., подписанное председателем Президиума Народного собрания Болгарии Георгием Дамяновым.

На следующий день я встретился с художником Иваном Григорьевичем Лосем. Стены его мастерской увешаны эскизами, этюдами и законченными картинами. Как говорит Иван Григорьевич, он «распечатал» шестой десяток лет, но выглядит значительно моложе.

Я заговорил о мемориальной доске для Шипки.

— О, это интересная история! Когда я подготовил эскиз, то обратился за помощью к болгарским художникам Цеце Стойчевой и Асену Попову, с которыми успел крепко сдружиться. Они познакомили меня со скульптором Гаврилом Петровичем Агароняном.

— Отличную доску сделаем, — воодушевился скульптор. Он выбрал большую белоснежную с желтоватыми прожилками плиту мрамора, которым славится Болгария. Его помощники приступили к шлифовке камня. Никто не думал об отдыхе. К утру мемориальная доска была готова.

Много лет спустя на первом съезде советских художников И. Лось неожиданно встретил Г. Агароняна в Москве. Они обнялись, расцеловались.

— Вы приехали на съезд с болгарской делегацией художников? — спросил Лось.

— Я действительно прибыл с делегацией, но не с болгарской, а с делегацией Советской Армении. — улыбаясь, ответил Аганян. — Вскоре после войны я возвратился на родину, живу в Ереване и преподаю в институте...

Павел СТЫРОВ

В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ:

☆ **Ян Дрда.** Да здравствует жизнь!
☆ Новые стихи **М. Алигер, А. Лупана, А. Межирова, М. Найдича.**
☆ **«Партизанка».** История одной шкатулки.
☆ **И. Горелик.** Славная традиция эпохи.
☆ **В. Федоров.** Поиск прекрасного.
☆ **И. Науменко.** Дом над морем. Рассказ.
☆ **М. Светлов.** Третий Брандт. Фельетон.

Шкатулка

СЕГОДНЯ, в День Победы, в Центральном музее Советской Армии впервые выставлен новый экспонат истории Великой Отечественной войны — самодельная деревянная шкатулка, покрытая надписями и рисунками. Она рассказывает о судьбе трех советских людей, бежавших из фашистского концлагеря и нашедших приют в семье гражданина Литовской ССР Болеслава Лазаускаса.

В последние годы найдено много новых свидетельств массового героизма советских людей в дни войны. Мы узнали новые имена героев, которые в любых условиях — на фронте, во вражеском тылу, в концлагерях — сохранили негибаемую нравственную силу и боролись за победу.

Вспомните шолоховскую «Судьбу человека»: жизнь Андрея Соколова сложилась так, что он был пленен, попал в концлагерь. И там — в плену, среди врагов, без оружия в руках — Соколов оставался советским патриотом со всеми его высокими нравственными качествами: ненавистью к фашизму, преданностью Родине, партии, народу.

История шкатулки «Партизанка» — это повесть о трудной военной судьбе советских патриотов, оказавшихся в тылу врага и продолжавших борьбу...

28 АПРЕЛЯ в Центральный музей Советской Армии позвонили из отделения Госбанка. Сотрудница банка Любовь Павловна Сажин рассказала, что ее родственники из подмосковного города Дмитрова — Елизавета и Михаил Шиковы — передали ей деревянную шкатулку, которая, как ей кажется, представляет собой ценный экспонат.

Через час шкатулку рассматривали научные работники музея, и в этот же день вместе с редакцией «Литературной газеты» были начаты поиски людей, связанных с ее историей.

Что же представляет собой шкатулка, так глубоко взволновавшая всех, кто держал ее в руках? Ни описание ее, ни фотографии не могут, разумеется, передать в полной мере того, что испытываешь, читая выжженное на ее стенках повествование.

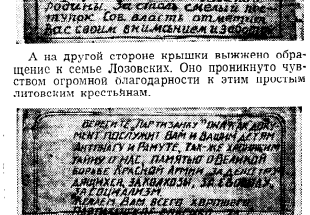
Над пятиконечной звездой, прикрепленной к крышке, выжжены надписи: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! «Партизанка». Да здравствует красный фронт! Да здравствует Литовская ССР!».

На обратной стороне крышки — имена и адреса тех, кто, бежав из фашистского концлагеря, оказался зимой 1942—1943 годов в литовском лесу.

Одна из надписей рассказывает, кому с такой любовью готовили в дар шкатулку воины-партизаны:

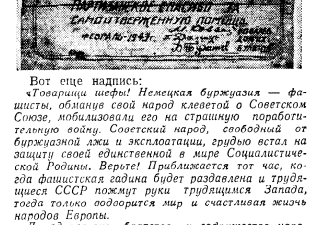
«На память семье Лозовских от русских, скрывавшихся в лесу Литвы с 3/X 1942 года. Литва. Молодой лес — 118 СФ-1».

И далее:



Дорогие товарищи Лозовские!
Вспомните страшного фашистского зверя и пресмедовавших вас с неизмеримым страданием и страстью трех бойцов Красной Армии, этим Вы показали свою высокую сознательность и преданность нашей Партии Ленина-Сталина. Вспомните, как Вы, не боясь ни пыток, ни власти отдали нам последнюю помощь.

А на другой стороне крышки выжжено обращение к семье Лозовских. Оно проникнуто чувством огромной олагодарности к этим простым литовским крестьянам.



Вот еще надпись:

«Товарищи шефы! Немецкая буржуазия — фашисты, обманув свой народ клеветой о Советском Союзе, мобилизовали его на страшную поработительную войну. Советский народ, свободный от буржуазной лжи и эксплоатации, грудью встал на защиту своей единственной в мире Социалистической Родины. Верьте! Приближается тот час, когда фашистская гадина будет разгромлена и трудящиеся СССР пожмут руки трудящимся Запада, тогда только водворится мир и счастливая жизнь народов Европы.

Да здравствует братство и содружество народов Европы!

Да здравствует СССР — родина трудящихся всего мира! Да здравствует непобедимая Красная Армия!»

Текст, выжженный на внутренних стенках шкатулки, на дне и крышке, словно страницы своеобразной летописи, рассказывает о помыслах советских солдат, о том, как в тяжелые военные годы они верили в неминуемую победу над фашизмом.

Никто из воинов не был поэтом. Но чувства, переполнявшие их, — гнев против врага и сыновняя любовь к Отчизне,— находили свое выражение в стихах. И вот строка за строкой выжигались на деревянных дощечках стихи «К 1-му мая 1943 г.», «Коммунист» — стихи, славившие мужество, Родину, народ, партию.

Никто из воинов не был художником. Но им хотелось иллюстрировать свой рассказ и рисунками. Так появились на стенках шкатулки изображения отдельных сцен из партизанской жизни в лесу.

Супруги Шиковы, передавшие в музей шкатулку, сообщили:

— Наш зять, младший лейтенант Иван Васильевич Стрельцов, участвовал в освобождении Литвы от немецко-фашистских захватчиков. Там ему и передал эту шкатулку Болеслав Лозовский. Он просил сохранить ее и при случае отвезти в Москву. Сам Иван Васильевич не смог выполнить этот наказ — он был тяжело ранен.

НА КРЫШКЕ ШКАТУЛКИ выжжены три адреса.

Первый адрес — московский: Серебрянический переулок, дом 4, кв. 11. Михаил Ковалев.

С грустью узнаем: Ковалева нет в живых — умер он в 1949 году в Москве.

Сын Ковалева Слава рассказывает:

— Отец часто вспоминал о бегстве из плена, о том, как его расстреливали, но он чудом спасся и, выбравшись из груды тел, бежал. Его поймали, увезли в Германию, но и там он совершил побег. В Литве он с товарищами жил в лесу. Скрывал их батрак Лозовский...

Рассказ Славы дополнили документы из найденного нами личного дела М. Ковалева. В апреле 1919 года он вступил добровольцем в ЧОН, воевал против банд Мамонтова и Шкуро. В самом начале Великой Отечественной войны пошел добровольцем в отряд народного ополчения, попал в окружение, затем в плен.

Коммунист М. Ковалев мужественно вел себя во вражеском плену. Он умел поднимать боевой дух товарищей, укреплять в них веру в победу — об этом рассказывают документы, об этом говорит один из товарищей Ковалева, вспоминая тяжелые месяцы борьбы в фашистском плену.

Борис Долгих оставил на шкатулке адрес: Оренбургская железная дорога, г. Бузулук, ул. Серго, дом 70.

Специальный корреспондент «Литературной газеты» Ю. Оклянский, командированный в Бузулук, передал по телефону:

— Беседовал сейчас с Борисом Прохоровичем Долгих. Он очень скупо говорит о себе и с большой теплотой — о Ковалеве, умевшем вселять в товарищей уверенность и бодрость даже в самые тяжелые минуты. Сам Долгих окончил Бузулукский гидромелиоративный техникум. Строил оросительные каналы в степи под Бузулуком, затем, в 1938 году, стал слушателем Военно-инженерной академии имени Куйбышева в Москве. В мае 1941 года был послан на практику в Гродно, в строительный батальон. Там его застала война. Во время отступления попал в плен. Вместе с пятью другими военнопленными был направлен в одно из поместий Восточной Пруссии.

Один из рисунков на шкатулке

В их группе был и Михаил Андреевич Ковалев.

Сентябрьским вечером 1942 года они бежали из поместья. Несколько ночей пробирались через Восточную Пруссию.

— Именно Ковалев был инициатором и организатором побега, — вспоминает Долгих.

На литовской земле мы разделились на две группы. В одну из них вошли Ковалев, я и молодой крестьянский парень Андрей Булатов.

Однажды мы набрели на лесной хутор. Хозяин богатого дома, увидев обросших, измученных людей в красноармейской форме, сказал, что у него для нас ничего нет. Во время этого разговора в дом зашла женщина, очевидно, соседка, — невысокого роста, черноволосая, живая. Незаметно от кулака она пригласила нас в свой дом. Это была Лозовская. Домик Лозовских маленький, бедный. Муж Лозовской — Болеслав — столяр, батрачил у богатых хуторян. У Лозовских было двое детей — мальчик Антанас и девочка Рамуте. Лозовская рассказывала нам, что еще во время первой мировой войны она помогала прятать двух русских солдат, бежавших из немецкого плена. Болеслав Лозовский, прекрасно знавший окрестные леса и болотные тропинки, повел нас в глубь леса.

— Вот здесь стройте себе дом! — сказал он. — Тут нет ни ягод, ни грибов. Только болото — сюда люди не ходят.

По воспоминаниям Долгих, хутор Лозовских находится примерно в 12 километрах северне местечка Лейпуны. Болеслав Лозовский приносил бойцам тайком хлеб, картошку, соль. Он рассказывал им о положении на фронтах. Однажды в праздник, с большим риском для себя, Лозовские пригласили трех товарищей в свой дом. В «гости» пришлось идти глубокой ночью.

— В эту ночь Лозовские показали нам карту Родины и рассказали об успехах Красной Армии, громившей фашистов под Сталинградом. Вместе с ними они радовались успехам советских войск. Мужество Лозовских вдохновляло нас и звало к активным действиям. Мы писали от руки листовки, в которых звали население бить оккупантов.

В один из зимних вечеров мы начали мастерить в подарок Лозовским деревянную шкатулку. Назвали ее «Партизанкой», потому что были уверены, что Лозовская партизанка. 1 мая 1943 года Лозовские пришли к нам в землянку: мы вместе отмечали Первомай.

Через несколько недель землянку окружили выследившие нас жандармы. Они нагрянули ночью, грозили забросать землянку гранатами и после недолгой неравной борьбы схватили нас. В суматохе нам удалось зарыть листовки.

После нескольких месяцев пребывания в тюрьме и бесчисленных допросов все трое были отвезены в лагерь военнопленных в Каунас.

— Дальнейшая судьба моих товарищей мне неизвестна, — сказал Б. Долгих. — С приходом Советской Армии я был освобожден от фашистской неволи.

Сейчас Б. П. Долгих — пенсионер, инвалид второй группы.

Третий адрес: Челябинск, Мокроусовский район, деревня Крымово, Андрей Булатов. По телеграфу удалось выяснить, что А. Булатов работает на лесоучастке Бурля в Бурятской АССР.

ИЗ РАЗНЫХ концов страны пришли эти сообщения. Скупые, отрывочные, они позволяли все же представить величие подвига семьи литовского батрака Лозовского. Надо было во что бы то ни стало найти Болеслава Лозовского и его жену — главных героев этой истории, людей большого мужества, так свято выполнивших свой гражданский долг.

Хутор Лозовских, как уже было сказано, находился в 10—12 километрах южнее местечка Лейпуны. Но на одной географической карте, ни в одном справочнике административного деления не значилось такого местечка. Однако, по всем признакам, этот хутор должен был находиться где-то на юго-западе Литвы.

Мы вылетели на самолете из Москвы в Вильнюс и там обратились за помощью в Совет Министров Литовской ССР к тов. Л. Мартавичусу. Он пояснил нам: «Лейпуны — это русское название литовского местечка Лейпалингис. Оно находится в Вейсейском районе». Из района сообщили: Болеслав Лозовский (настоящая его фамилия — Лазаускас) и его жена Валерия с детьми Антанасом и Рамуте действительно жили на хуторе Турскис в 12 километрах южнее Лейпалингиса. Болеслав и Валерия Лазаускас погибли. Их дети живы: работают в Вильнюсе.

Мы начали розыски Антанаса и Рамуте. И вот в наших записях появляется новый адрес Антанаса Лазаускаса: Вильнюс, улица Кревос, дом 8, квартира 1. Но тот ли это человек? Ведь в Литве тысячи людей носят эту фамилию.

Удалось узнать, что Рамуте работает на фабрике «Раудонёй Жвайгжде» («Красная звезда»).

На фабрике в кабинете секретаря парткома М. Ф. Елисеева узнаем, что Рамуте Лазаускайте действительно работает здесь с 1953 года. Она отличная работница, активная комсомолка, депутат Советского райсовета г. Вильнюса, член президиума республиканского комитета профсоюза рабочих легкой и текстильной промышленности, участница II профсоюзного съезда рабочих промышленности товаров широкого потребления в Москве, учится заочно в техникуме легкой промышленности.

Из цеха пришла Рамуте — невысокая миловидная девушка в черном халатике. Она держалась скромно и просто. Мы спросили ее, помнит ли она трех советских военнопленных, которые прятались в лесу. Да, Рамуте помнит их. И у нее даже хранится фотография одного из них — это была фотография Б. Долгих. Девушка заговорила о деревянной шкатулке «Партизанка». Отец хранил ее как самую дорогую реликвию, разобрал шкатулку на дощечки и спрятал в сенях. Иногда он доставал «Партизанку» и показывал детям, предупреждая сына и дочь, чтобы они никому не говорили об этом дорогом для него подарке. «После войны мы обязательно разыщем этих людей»,— говорил отец.

Взволнованная воспоминаниями, девушка рассказывала и о том, как в их дом во время войны приходили партизаны, и о том, как ее родители получили от Советской власти землю, как отец, смеясь, говорил:

— Кулаки теперь совсем нос повесили!

Да, после изгнания гитлеровцев и освобождения Советской Литвы каждый ее крестьянин получил землю, отнятую оккупантами. А как дорога для крестьянина земля, Лазаускасы знали отлично: еще до войны у кулака Каледа, выдающий хуторам Гурскис, разрешил им построить домик на его земле, а за это вся семья Лазаускасов бесплатно батрачила на богатея. Работали на кулака и отец, и мать, и даже их дети — Антанас и Рамуте, с шести лет пасшие чужой скот. Теперь все литовские крестьяне имели свою землю и не зависели от кулаков. Но богатеи не сдавались: в деревнях и на глухих лесных хуторах разгорелась жестокая борьба. Кулаки сжигали дома своих бывших батраков, убивали активистов. Для борьбы с новой, народной властью кулаки использовали бандитов, служивших в свое время гитлеровцам и теперь скрывавшихся в лесах от правосудия.

Болеслав и Валерия Лазаускас

Бывший батрак Болеслав Лазаускас стал председателем волисполкома. Тогда бандиты в отместку подкарауливали на лесной тропе его жену Валерию Лазаускене и зверски ее убили.

После гибели жены Лазаускас передал шкатулку советскому офицеру с просьбой послать ее в Москву (очевидно, этим офицером и был младший лейтенант Иван Стрельцов). Через несколько дней бандиты сожгли дом Лазаускасов. Главарем банды, которая убила Валерию и сожгла дом Лазаускасов, был фашистский агент по кличке «Бардзукас», выдавший полиции Ковалева, Долгих и Булатова. Предатель и бандит не ушел от заслуженного возмездия народа.

Но перед этим банда «Бардзукаса» успела сделать еще одно черное дело. В 1947 году кулаки устроили засаду на лесной дороге и из-за кустов убили Болеслава Лазаускаса.

Болеслав Лазаускас был похоронен как герой — с воинскими почестями на военном кладбище города Алитус. Могилу его украшает пятиконечная звезда.

Куда же тогда делась шкатулка? Рамуте этого не знала. Несколько лет тому назад она обратилась в райком партии и в воинскую часть с просьбой найти «Партизанку», чтобы узнать судьбу людей, когда-то так близких ее семье,— девушка хотела выполнить завещание своего погибшего отца. Но драгоценная шкатулка исчезла. Никто о ней не слышал.

Рамуте рассказывала нам, как она доставала иногда маленькую фотографию и пыталась разобрать полустершуюся карандашную надпись на обороте.

— Мне хотелось узнать хотя бы его имя или фамилию. Но надпись совсем стерлась, и я могла прочесть только одно слово «от». От кого же?.. Я мечтала найти этих людей, с которыми была связана судьба отца и матери...

Вместе с девушкой мы поехали к ее брату. Антанас работает техником литовского телецентра. Специальность техника он получил в Советской Армии. Антанас — комсомолец, опытный производственник. Юноша учится и работает, он награжден почетной грамотой Президиума Верховного Совета Литовской ССР.

Антанас и Рамуте бережно хранят память о своих родителях. Вместе с нами они поехали на юго-запад Литвы, к границе Польши, в те глухие леса, где много лет назад началась история «Партизанки».

ВЕСНА была в разгаре, вдоль шоссе мелькали цветущие яблони, яркой зеленью были покрыты поля. Тракторы попыхивали синим дымком. Под весенним солнцем блестели озера, которыми так богат этот край. А ведь когда-то на этих самых полях гремели пушки, стлался дым пожаров, лилась кровь и трое товарищей-солдат тайком пробирались по оккупированной врагом земле на восток — в далекую родную Россию...

Где же, в какой лесной чаще была их землянка-убежище?

Рамуте и Антанас никогда там не были. Только отец знал дорогу к потайной землянке. Болеслав Лазаускас был опытным лесным жителем, — не зря называли его следопытом.

Телеграмма от Б. Долгих подсказала нам, что цифра «118», выжженная на шкатулке, обозначает квадрат лесопосадки. В районном центре Вейсей мы зашли в райисполком. По плану лесопосадок квадрат «118» находится слишком далеко от Лейпалингиса — километрах в 40, у самой границы Польши. Выяснилось, что несколько лет назад квадраты лесопосадок были перенумерованы и бывший квадрат «118» нужно искать в окрестностях Лейпалингиса. И вот над картой старых посадок собрался целый совет. Где же среди этих бесчисленных зеленых и голубых пятен и линий просек находится нужная нам крохотная точка?

— На помощь пришел Антанас. Он вспомнил: по рассказам отца, землянка находилась между озером и болотом. В самом деле, на плане рядом с болотцем голубело пятнышко озера Скирдис. Где-то тут, на узком лесистом перешейке, и должна находиться землянка.

Солнце уже садилось, когда мы выехали к далекому лесному хутору. С нами поехал местный старожил, лесник Ю. Иванаускас. Он подтвердил, что между болотом и озером когда-то стоял межевой столбик с отметкой «118». Там, на краю болота, есть следы обвалившейся старой землянки. Кто ее построил и кто в ней жил, лесник не знал: место глухое, безлюдное...

Да, никто, даже соседи Лазаускасов, до сих пор не знал, что много лет назад семья батрака героически спасала советских воинов. Лазаускасы умели хранить тайну...

Темная чаща посветлела — открылось поросшее осокой болото. На его крутых берегах растут сосенки. Что-то в них есть знакомое... Рассматриваем дерево, скопированный со шкатулки «Партизанки», и узнаем: это те самые сосны и тот крутой песчаный откос! Наши! Вон там, между двух сосенок, и должна быть старая землянка «СФ-1» — «Скрытый форт 1», как назвали ее воины.

Действительно, между четырех сосенок, отмечающих углы землянки, находится большая яма. Блиндаж обрушился. В углу, по рассказу Б. Долгих, в момент ареста были закопаны листовки. Может быть, они каким-то чудом сохранились? Сняв пиджаки, начинаем рыть землю. Появляются остатки сгнившей бревенчатой стенки. Вырисовываются очертания довольно просторного блиндажа, сделанного опытными руками. Все сгнило, дерево превратилось уже в труху и рассыпалось в руках...

В лесу темнело. В последний раз постояли мы над старой землянкой. Председатель райисполкома К. Давидавичус, приехавший вместе с нами, сказал, что пионеры и комсомольцы района восстановят землянку как память о героическом подвиге семьи Лазаускасов.

Потом мы поехали к хутору Гурскис, где когда-то жили Лазаускасы. Хутор окружен стеной леса. Большой дом и низкие хозяйственные постройки потемнели от старости. Это усадьба того самого богатея Каледа, который отказал в приюте трем солдатам и прогнал их со двора. Давно его нет на свете. На хуторе живет его сын — невысокий, неряшливо одетый, угрюмый человек. Он узнал Антанаса и Рамуте и смотрел на них настороженно и заискивающе. Да, ему отец-кулак оставил в наследство этот дом, этот сарай, эти темные, дряхлеющие стены и страсть к наживе. Но Антанас и Рамуте, когда-то батрачившие в этом кулацком доме, получили от своих погибших отца и матери нечто неизмеримо более ценное в нашем советском обществе: честность, бескорыстие, преданность народу, трудолюбие. И было что-то неумолимо закономерное и даже символичное в том, что сейчас Антанас и Рамуте вернулись на родной хутор и стояли перед этим угрюмым хуторянином. Это были люди неизмеримо выше и чище его, — люди, уже много сделавшие для своего народа, продолжающие традиции семьи Лазаускасов, активные комсомольцы, хорошие производственники, общественники, облеченные доверием народа.

— Заходи в гости, — с кривой улыбкой сказал хуторянин Рамуте.

— Я твой дом знаю, — ответила она. — Сколько лет на вас батрачила, ваш скот пасла, ваши конюшни чистила. Нет, не войду я в твой дом — слишком хорошо я его помню...

Рамуте и Антанас отвернулись от хуторянина и пошли к лесу, где у самой опушки виднелась груда битого кирпича, давно заросшего кустами. Здесь был дом Лазаускасов, сожженный кулаками.

История «Партизанки» началась вот здесь, на этом месте, когда трое бежавших из плена советских людей осторожно вышли из леса...

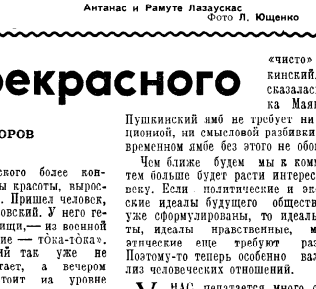
Поздно вечером мы приехали в районный центр Алитус. Здесь похоронен Болеслав Лазаускас. Его могила находится на почетном месте — на военном кладбище: там погребены солдаты и офицеры Советской Армии, сражавшиеся за свободу и независимость Литвы, литовского народа.

Честь и слава семьи Лазаускасов продолжает достойно жить в патриотических делах их детей — Рамуте и Антанаса, строящих вместе со всеми советскими людьми новую, светлую жизнь на земле своей родной Литвы.

* * *

Такова драматическая история «Партизанки». Шкатулка была названа так в честь жены Болеслава Лазаускаса — Валерии. Патриотка погибла от вражеской руки 9 мая 1946 года — в первую годовщину Дня Победы. Сегодня, в четырнадцатую годовщину Победы, когда мы чтим память героев, отдавших жизнь за счастье Родины, дорогая реликвия впервые выставлена в музее. Пусть о судьбе советских воинов, о подвиге семьи литовских патриотов Лазаускасов сегодня узнают все, кто прочтет этот документальный рассказ о славной истории «Партизанки».

Сотрудники Центрального музея Советской Армии
полковник В. ВЕРЖБИЦКИЙ,
подполковник В. КРАСНОВ,
специальные корреспонденты «Литературной газеты»
З. ГРИГОРАИТИС, В. ЕЛИСЕЕВА, Л. ЮЩЕНКО



Антанас и Рамуте Лазаускас
Фото Л. Ющенко

История одной шкатулки

ПРЕДСЪЕЗДОВСКАЯ ТРИБУНА

Поиск прекрасного

Вас. ФЕДОРОВ

ОДНАЖДЫ мне пришлось разговаривать с товарищем о наших поэтических делах. В чем-то мы сходились, в чем-то расходились. Когда я сказал, что поэзия — это поиск прекрасного, он поначалу не согласился. Нужно было доказывать. Пришлось уйти в глубь веков и сослаться на Данте, который прошел через все ужасы «ада» и «чистилища» в поисках той, что олицетворяла для него красоту жизни, — Беатриче.

Почему же мой собеседник не согласился с этим сразу? Очевидно, потому, что за моей формулой он усмотрел лишь гимн во славу добра и не услышал проклятий злу. Данте, боровшийся за красоту жизни, спустился в «ад», чтоб и там еще раз осудить зло.

В жажде новой жизни и красоты истинные поэты всех времен сходятся.

Второй пример совсем близок — это Маяковский. У него, как и у Данте, есть свой «ад» и свое «чистилище». Как поэт он родился в борьбе с буржуазным миром, порождающим войны, унижающим человеческое достоинство, красоту жизни.

Все это ясно. Вот почему две-три ссылки на авторитеты прошлого убедили моего товарища. Труднее доказывать, когда речь заходит о практической стороне нашего дела. Собеседник спрашивает: «Если ты исповедуешь высокие принципы Маяковского, то почему не берешь на вооружение его поэтику, почему строишь свое стихотворение не так, как строил он?».

Можно было бы объяснить это свойством характера, тем, что мы рождены, как говорится, с ямбом в душе. Можно бы напомнить, что Маяковскому его поэтика не мешала высоко оценивать Есенинскую поэзию «Мы на лодочке катались, золотистый, золотой». Он, Маяковский, только подился с ямбом в душе, а потом полюбил его и начал строить свое. Время было иным. Поэту, выступающему на площадях, нужно было быть трибуном. Сейчас же, в наши дни, не повышая голоса, можно разговаривать с миллионами сразу. Разговор происходит как бы один на один. Теперь те чтецы, которые читают Маяковского с криком, проигрывают.

Но главное еще не в этом. Главное в том, что после Маяковского более конкретизировались идеалы красоты, выросли герои нашей поэзии. Пришел человек, о котором мечтал Маяковский. У него герой говорит: «Я, товарищи,— из военной бюры. Кончили заседание — тôка-тôка».

Сегодняшний рабочий так уже не скажет. Днем он работает, а вечером идет в институт. Он стоит на уровне поэта.

Маяковский призывал пить «из реки по имени — «Факт». Хорошо, правильно призывал. Но тогда фактов, утверждавших нашу действительность, было в тысячу раз меньше, чем теперь. Тогда переселение рабочего в новую квартиру с ванной было событием, а сейчас нет. И не потому, что все наши рабочие живут в хороших квартирах, а потому, что их идеалы стали выше. Как для нас важна систематизация фактов, характеризующих развитие новой личности! И может ли советская поэзия обойтись без поэтического анализа конкретной человеческой жизни! Наш герой очень властный. В стихотворении он займет все стихотворение, в поэме он займет всю поэму. Все точней адрес поиска красоты: человек — в нем, через него, к нему! Все важней процесс самопознания героя.

В самых труднейших испытаниях мы устояли, выдержали, рванулись вперед. Что мы за люди, что думаем, как поступаем в трудные минуты, в чем черпаем свои нравственные силы? Ответом на эти вопросы является «Василий Теркин» А. Твардовского, вслед за ним — поэмы «Флаг над сельсоветом» А. Недогонова, «Весна в «Победе» Н. Грибачева, поднятое — «Строгая любовь» Н. Смелякова. В сюжетную основу этих поэм легли судьбы героев, не отмеченных знаком исключительности. Все реже встречаешь лирическую поэму с ясным условным, так называемым, обобщающим лирическим героем. Точный психологический рисунок исключил громоздкие построения. Снова зазвучал ямб. Но ямб отнюдь не «чисто» пушкинский, на нем сказалась поэтика Маяковского. Пушкинский ямб не требует ни интонационной, ни смысловой разбивки, а в современном ямбе без этого не обойтись...

Чем ближе будем мы к коммунизму, тем больше будет расти интерес к человеку. Если политические и экономические идеалы будущего общества нами уже сформулированы, то идеалы красоты, идеалы нравственные, морально-этические еще требуют разработки. Поэтому-то теперь особенно важен анализ человеческих отношений.

У НАС печатается много стихов о самом прекрасном, что в муках и крови выстрадало человечество,— о Коммунизме. Мне кажется, иные поэты ставят перед собой слишком легкую задачу: отыскать новый эпитет, новую рифму к слову «коммунизм». При такой малой задаче даже самый удачливый быстро исчерпает свои возможности. Но для поэта, занятого людьми, идущими в коммунизм, тема эта безгранична. Для этого нужно только знать людей. Столкновения чувств, мыслей, устремлений неисчислимы. Личный опыт поэта, его пристрастия, уровень его духовного развития определяют границы его деятельности. Герой Леонида Леонова Вихров пришел к коммунистическим идеалам через русский лес, через его защиту от Гранвийских. У каждого поэта должен быть свой «русский лес», свой путь к коммунизму. Читатель должен знать, какие идеалы красоты хочет видеть поэт в коммунизме, что он бережно отыскивает в нашей жизни, что утверждает, защищает, против чего борется.

Нелегко найти свой путь, но без своего пути нет поэта. Не призываю в пограничным колышкам — это-те мое, это твое! — от них могут происходить лишь пограничные инциденты. Но без личной, вихревой, ответственности за свой «лес» поэту не обойтись. Тогда в нашей поэзии исчезнут беспредметные эмоции и маленькие трагедии, высосанные из пальца:

Критики часто делят нас на две категории. Про одного говорят: «это поэт мысли», а про другого: «он поэт эмоциональный». Право же, такое деление искусственно. Если мысль выработана самим поэтом, если она сформировалась в горниле чувств, она несет наивысшую эмоциональную нагрузку. В таких случаях мысль — концентрированная эмоция. Отсюда емкость слова, краткость стиха, выразительность.

Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.

Блоку нужно было прожить жизнь, чтобы родились эти две строки. Их нужно было выстрадать — не за письменным столом, а в жизни. Муки творчества, муки поиска самой строки ничтожны в сравнении с муками поиска смысла жизни, с поисками прекрасного в ней.

В стихах мы равнодушны лишь к тем мыслям, которые поэт где-то занял, а иногда хоть и выработал сам, но передержал их в себе и уже неспособен был изумиться ими.

Способность изумляться — первостепенное качество поэта. Кто-то сказал, что поэзия — это желание юной души быть мудрой. Но для тех, кто вышел за пределы юности, можно найти другую формулу: поэзия — это способность мудрой души оставаться юной, способность изумляться жизни. Это не значит всплескивать ручками, закатывать глаза и шептать «ах!». Этих «ахов» и «охов» в нашей поэзии много. Мы привыкли к самим себе, к своим соседям, к людям, толкающим нас в троллейбусе. А ведь это они запустили космическую ракету!

Мне вспоминается киноэпизод, показывающий приезд Черчилля в нашу страну. Низенький, грузный, он шел вдоль почетного караула и буквально тянулся к лицу каждого солдата, заглядывал в глаза. Старушка, сидевшая в зале рядом со мною, сказала: «Ишь ты, хочет распознать, откуда в нас что». Что же, не будем делать из этого секрета!

МЫ МНОГО говорим о воспитании молодого поколения, о воспитании народа и очень редко о воспитании самих поэтов. В стихах нельзя солгать. Если ты не любишь, не чувствуешь своего героя, как себя, не страдаешь его страданиями, не радуешься его

Литературное ОБОЗРЕНИЕ

Суровое братство

Ю. Анненков
ФЛАГ МИНОНОСЦА
Роман
Воениздат

В неравном бою с фашистами гибнет миноносец «Ростов». В живых остается несколько моряков. С ними — флаг корабля. Командир, горстка моряков-героев и флаг становятся тем маленьким кремневым ядрышком, вокруг которого сплачивается Отдельный гвардейский миноносный дивизион моряков. Так начинается роман Ю. Анненкова «Флаг миноносца». В этой книжке молодого писателя показана история человеческих характеров, которые формируются, крепнут, меняются в суровых условиях войны. Главный герой произведения — фронтовое братство, то великое человеческое родство, которое возникает между людьми, вместе идущими в бой.

Вероятно, самую большую симпатию читателей завоюет Володя Сомин. Этот скромный, обаятельный юноша совершает немало ошибок, терпит неудачи. Неопытный и неумелый, он доверчиво тянется к людям, и они помогают ему в самые суровые минуты жизни. На войне Володя постепенно становится волевым, бесстрашным командиром. Но возмужав и огрубев, он не теряет того почти детского целомудрия чувств, которое всегда так обаятельно.

Рядом с Володей Соминым его старший товарищ Андрей Чемков — самоотверженный, отчаянный человек. Только один раз нарушает он дисциплину, когда бежит из-под стражи, чтобы спасти флаг миноносца. Очень трогательно и поэтично рисует автор любовь к Земскому радистки Людмилы. Она вместе с Андреем отправляется спасать флаг части и, тяжело раненная, умирает на руках у любимого.

Выразителен образ командира части капитан-лейтенанта Арсеньева. Потеря в первые дни войны семью, он становится замкнутым, суровым, внешне сухим. Беспощадно требовательный командир, Арсеньев всегда взваливает на свои плечи наибольшую тяжесть. Неутомимый труженик войны, он не знает ни забвения, ни сна, ни покоя. Гибель Арсеньева — самая драматическая страница романа.

Интересны в книге сцены фронтового быта, достоверна та атмосфера суровго боевого товарищества, которая навсегда остается в памяти бывших солдат.

В упрек Ю. Анненкову хочется заметить, что роман написан неровно. Автору нередко изменяет вкус: рядом с добротной прозой идут страницы, написанные сухим газетным языком, рядом с точными деталями — длинные декларации. Автор злоупотребляет «крепкими» и «солеными» словечками. Порой чересчур подробно объясняет то, что уже давно ясно. И вместе с тем подлинный жизненный материал делает книгу интересной, особенно для молодого читателя.

Юрий ЯКОВЛЕВ

Грозные годы

Илья Маркин
ЛЮДИ ГРОЗНЫХ ЛЕТ
Роман
«Молодая гвардия»

Действие романа Ильи Маркина «Люди грозных лет» развертывается широко: на переднем крае одного из центральных фронтов, в штабах, где рождаются замыслы боевых операций, в суровой Москве осенью сорок первого года. Писатель сумел по-своему взглянуть на события, зримо нарисовать характеры, еще не знакомые нам, но привлекательные своей жизненной правдивостью.

Именно таков полковник Андрей Бочаров, человек сильный, не всегда ровный, но искренний и волевой. Мы верим в Бочарова в те минуты, когда он смело вступает в борьбу с отсталым генералом Велигуровым. Вместе с Андреем переносимся на передний край и как бы участвуем в жестоких схватках с врагом.

Роман Ильи Маркина заселен, словно большой дом. Многие из его персонажей наделены четкими, запоминающимися чертами; их судьбы по-настоящему волнуют читателя: это и Бондарь, смелый, собранный офицер, командир батальона Чернозеров, человек огромного мужества, но самодур, и простая советская девушка Вера Полозова, готовая ради победы отдать все свои силы, и председатель колхоза — крутой, трудолюбивый и честный старик Бочаров, отец Андрея. Образы эти получились завершенными, художественно убедительными.

Однако в большом, интересном полотне И. Маркина далеко не все равноценно. Скажем прямо, наиболее сильную часть романа составляют главы, изображающие фронтовой быт и советскую деревню в годы войны. Рука писателя здесь уверенна. Но те сцены романа, где на первом плане жизнь москвичей, получились значительно слабее. Это ощущение усиливается неудачным образом некоего Канунникова, человека тщеславного, эгоистичного, готового ради собственного благополучия принести в жертву что угодно и кого угодно. Канунников обманывает и доводит до самоубийства молодую жену ответственного работника. Канунников — расхититель государственной собственности, очковтиратель, человечек с грязной совестью. Видимо, автор думал в этом характере показать то эгоизм, опасное и вредное, что встречалось в суровые годы войны, и показать так, чтобы оно вызывало возмущение и гнев читателя. Но Канунников получился слишком шаржированным. Так и кажется, что он — персонаж одного из фельетонов военных лет. Хочется от души пожелать Илье Маркину освободить свой роман от этих неудачных страниц.

Г. СЕМЕНИХИН

ВЫШЛИ В СВЕТ...

Антонов С. Песня. Рассказы из цикла «На военных дорогах». Воениздат. 48 стр. (Библиотечка журнала «Советский моряк»). 50 коп.

Вертасов И. В горах Таврии. Записки партизана. Предисловие И. Карпенко. Симферополь, Крымиздат. 283 стр. 65 000 экз. 6 руб. 20 коп.

Иосселиани Я. Огонь в окне. «Молодая гвардия». 475 стр. 75 000 экз. 8 руб. 95 коп.

Лисенков М. Одной дорогой. Документальная повесть о семье Михейных. Воениздат. 160 стр. (Библиотека солдата и матроса). 3 руб.

Мамин И. Знамя Девятого полка. Повесть. Красноярское книжное издательство. 197 стр. 15 000 экз. 3 руб. 40 коп.

Падерин И. На главном направлении. Сталинград — Берлин. 1942—1945. Записки офицера. «Молодая гвардия». 330 стр. 50 000 экз. 6 руб. 45 коп.

Сохович В. С товарищами в ногу. Стихи и поэма «На перепутьях». Вологодское книжное издательство. 64 стр. 3 000 экз. 1 руб.

Щербаков Г. Партизанские огни. Перевод с белорусского М. Горбачева. «Молодая гвардия». 160 стр. 90 000 экз. 3 руб. 40 коп.

Яшин А. Твоя Родина. Стихи. «Московский рабочий». 271 стр. 4 000 экз. 6 руб. 65 коп.

Комиссия по литературному наследию С. Н. Сергеева-Ценского

Секретариат правления Союза писателей СССР образовал комиссию по литературному наследию Сергея Николаевича Сергеева-Ценского в составе: М. Шолохов (председатель), Н. Замошкин, В. Козлов, Е. Поповкин, А. Прямков, Х. Сергеева-Ценская, И. Шевцов.

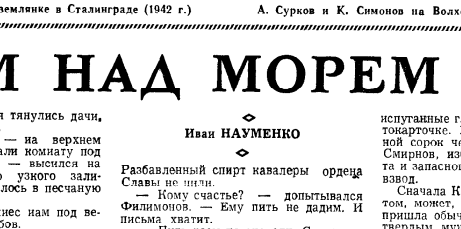
На фронтах Великой Отечественной...

Вместе с армией прошли трудными дорогами войны советские писатели. На всех фронтах, в тылу у противника они были в общем строю защитников Родины. Сегодня мы печатаем снимки той незабываемой поры.

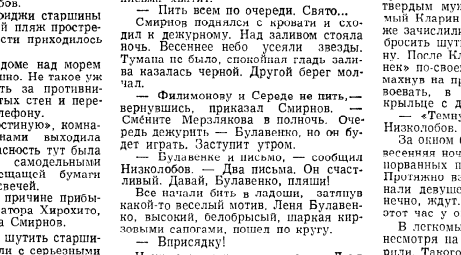
Фото С. Альперина, Я. Рюмкина, В. Темина.

Б. Полевой в землянке в Сталинграде (1942 г.)

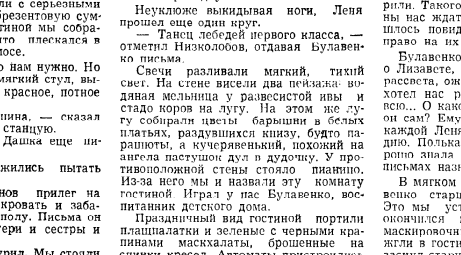
А. Сурков и К. Симонов на Волховском фронте (1943 г.)



М. Шолохов и Е. Петров на Западном фронте (1941 г.)



В. Василевская и А. Корнейчук на фронте



И. Эренбург на 3-м Белорусском фронте (1944 г.)

МОСКВА — СВЕРДЛОВСК

Заседание бюро правления Союза писателей РСФСР

В ДНИ подготовки к Третьему всесоюзному съезду писателей в Свердловске открылось выездное расширенное заседание бюро правления Союза писателей РСФСР. К свердловским литераторам приехали из Москвы Л. Соболев, С. Баруздин, Г. Баширов, С. Васильев, А. Дементьев, В. Друзин, И. Котенко, В. Полторацкий, Е. Поповкин, А. Софронов, писатели Оренбурга, Перми, Тюмени и других городов Урала.

Во вступительном слове председатель правления Союза писателей РСФСР Л. Соболев подчеркнул, что тема современности — главная тема советской литературы, призванной отобразить грандиозные свершения нашего народа.

Затем с докладом о работе журнала «Урал» и его задачах выступил главный редактор О. Коряков. Заместитель председателя правления Союза писателей РСФСР В. Друзин сделал обстоятельный разбор произведений, опубликованных в журнале «Урал» за последнее время.

Вчера на утреннем заседании выступили Г. Баширов, С. Васильев, И. Котенко, редактор газеты «Уральский рабочий» В. Кожуков, свердловские литераторы Н. Никонов и Б. Дижур, мастер Уралмашзавода М. Шутов и другие. Сегодня заседание бюро будет посвящено приему в Союз писателей группы уральских литераторов.

ДОМ НАД МОРЕМ

РАССКАЗ

Иван НАУМЕНКО

ВДОЛЬ побережья тянулись дачи, виллы, курорты.

Белый дом — на верхнем этаже его мы облюбовали комнату под наблюдательный пункт — высился на самом берегу длинного узкого залива — здесь море вдавалось в песчаную немецкую землю.

Термос с супом принес нам под вечер старшина Низколобов.

Синяя фуражка и бридки старшины были в песке: открытый пляж простреливался, и метров двести приходилось ползти на животе.

В этом курортном доме над морем мы жили просто роскошно. Не такое уж тяжелое дело наблюдать за противником под защитой толстых стен и передавать сведения по телефону.

...Мы перешли в «гостиную», комнату, которая своими окнами выходила только на море. Безопасность тут была полнейшая. Затянули самодельными шторами из черной трещащей бумаги окна и зажгли десять свечей.

— Иллюминация по причине прибытия в наш город императора Хирохито, — сказал помкомвзвода Смирнов.

Смирнов шутил, мог шутить старшина. А мы, пятеро, стояли с серьезными лицами и глядели на брезентовую сумку Низколобова. В гостиной мы собрались не ради супа, что плескался в двадцатилитровом термосе.

Низколобов знал, что нам нужно. Но он медлил. Он сел на мягкий стул, вытер носовым платком красное, потное лицо, закурил.

— Не тяни, старшина, — сказал Филимонов. — Давай, станцую.

— Тебе нет. Твоя Дашка еще пишет...

Остальные не отважились пытать судьбу.

Помкомвзвода Смирнов прилег на двуспальную дубовую кровать и забарабанил наблюдения по полу. Письма он получал только от матери и сестры и был спокоен.

Старшина сидел и курил. Мы стояли и ждали. Нашему терпению приходил конец.

— Сегодня кавалеры ордена Славы несчастливые, — произнес Низколобов. — Счастье только одному кавалеру. Зато поздравляю всех с завтрашним Первым мая...

Низколобов вытащил из-под полы две фляжки в мягкихворсистых чехлах.

— С водой или так? — спросил он. — Предупреждаю — неженатый. Сто градусов...

Об этом можно было не спрашивать. Разбавленный спирт кавалеры ордена Славы не пили.

— Кому счастье? — допытывался Филимонов. — Ему пить не дадим. И письма хватит.

— Пить всем по очереди. Свято...

Смирнов поднялся с кровати и сходил к дежурному. Над заливом стояла ночь. Весеннее небо усеяли звезды. Тумана не было, спокойная гладь залива казалась черной. Другой берег молчал.

— Филимонову и Середе не пить, — вернувшись, приказал Смирнов. — Смените Мерзлякова в полночь. Очередь дежурить — Булавенко, но он будет играть. Заступит утром.

— Булавенке и письмо, — сообщил Низколобов. — Два письма. Он счастливый. Давай, Булавенко, пляши!

Все начали бить в ладоши, затянув какой-то веселый мотив. Леня Булавенко, высокий, белобрысый, шаркая кирзовыми сапогами, пошел по кругу.

— Вприсядку!

Неуклюже выкидывая ноги, Леня прошел еще один круг.

— Танец лебедей первого класса, — отметил Низколобов, отдавая Булавенко письма.

Свечи разливали мягкий, тихий свет. На стене висели два пейзажа: водяная мельница у разветвистой ивы и стадо коров на лугу. На этом же лугу собирали цветы барышни в белых платьях, раздувшихся юбках, будто парашюты, а кучерявенький, похожий на ангела пастушок дул в дудочку. У противоположной стены стояло пианино. Из-за него мы и назвали эту комнату гостиной. Играл у нас Булавенко, воспитанник детского дома.

Праздничный вид гостиной портили плащ-палатки и зеленые с черными крапинами маскхалаты, брошенные на спинки кресел. Автоматы пристроились в углу. Тонконогий кофейный столик с шестью задымленными котелками деть было некуда, он стоял в самом центре комнаты.

— Пить! — приказал Низколобов. — Верлин завтра наш. Войне конец!..

Это было похоже на сказку. Первомай, конец войны. Жаль, черт возьми, что мы были не в Берлине!

Леня Булавенко не стал ужинать, он читал письма. Мы знали, кто их написал. Одно — Катя из Дорогобужа, где полк был на пополнении, другое — полька Эва-Иоланта из литовского городка Калвария, у самой прусской границы. Городок мы освободили полгода назад, осенью.

Филимонов и Середа, пожинав, отправились сменить Мерзлякова, хотя могли отдыхать еще целый час. Без писем им не сиделось. Когда пришел Мерзляков, ему отлили норму, оставив нетронутым то, что полагалось дежурным. Через полчаса все переменилось...

Старшина Низколобов заплакал. Выпив, он всегда плакал. На мягких немецких креслах сидели кавалеры Славы, старожилы взвода пешей разведки, знавшие друг друга еще со Ржева. В разбитом Ржеве полк формировался.

— Мамедова нет! — плача, кричал старшина. — Спит в земле наш друг Мамедов!..

Мамедов был третьим по счету командиром взвода. Его смертельно ранило две недели назад...

— Брось, старшина, брось. — Смирнов положил ему руки на плечи. — Никто никого не забыл...

Горели свечи в высоких медных канделябрах. Где-то близко, один за другим, разорвались три снаряда. Резко ударила пулеметная очередь. Смирнов побежал к дежурным.

— Все тихо, — сказал он, вернувшись. — Боятся гансики. Играй, Булавенко!..

Булавенко уже сидел за пианино. Каждую ночь играл он нам с тех пор, как мы поселились в белом курортном доме над морем.

Тонкие пальцы Булавенко бегали по клавишам. По для той музыки, которую все хотели услышать, чего-то не хватало.

— Потушить свечи! — приказал Смирнов.

Маскировку сняли, и тогда все стало на свое место. Окна гостиной глядели на море. Оттуда не стреляли. Поднимался месяц, и его свет вырывал на бескрайней морской равнине широкую синюю полосу. На ней расходились мерцающие круги. Казалось, что под самыми окнами куда-то течет неторопливая, теплая река. И волны ее с легким однообразным шумом набегали на песчаный берег...

Булавенко заиграл вальс. Мы придвинули свои кресла к окну и смотрели на море. Мы знали друг о друге все. Даже то, о чем каждый думает в эту минуту. Все мы думали про девчат, которые присылали нам треугольнички. Мы знали, что там было. За два года наступления мы все исповедались один другому, у нас не было никаких тайн. Троим из нас девушки писали о любви, троим — о дружбе. Женатых не было. Трос кавалеров Славы еще ни разу не ездились. Не успели. Старшему было двадцать два, младшему — двадцать.

Булавенко играл, взмахивая руками, а мы молчали. Легко и тихо было на душе. Немецкий апрель нес весну. Земля была чужая, но весна по ней шла так же, как и там, на родине.

— «Огонек»... — скомандовал Смирнов.

Те, кого девушки проводили на войну, могли вспомнить крылечко, занавески, огонек в знакомом окне.

Самого Смирнова на войну девушка не провожала. С Кларой он познакомился, когда лежал в госпитале, в Пенсе. У медсестры были большие, словно испуганные глаза. Это мы знали по фотокарточке. Клара изменила ему весной сорок четвертого, после того как Смирнов, избежав пересыльного пункта и запасного полка, вернулся в свой взвод.

Сначала Клара перестала писать. Потом, может, после десятого письма пришла обычная открытка, написанная твердым мужским почерком. Неведомый Кларин муж, которого мы сразу же зачислили в интенданты, советовал бросить шутки и не тревожить его жену. После Клары Смирнов пел «Огонек» по-своему. В его песне девушка, махнув на прощанье парню, ушедшему воевать, в тот же вечер сидела на крыльце с другим.

— «Темную ночь»... — попросил Низколобов.

За окном была не осенняя, а светлая весенняя ночь. Не свистели пули, и в порванных проводах не шумел ветер. Протяжно вздыхало море. Мы вспоминали девушек. Ждут ли они нас? Конечно, ждут. Может, так же сидят в этот час у окон и мечтают о встрече...

В легкомысленность наших девушек, несмотря на измену Клары, мы не верили. Такого не могло быть. Они должны нас ждать. За все то, что нам пришлось повидать на войне, мы имели право на их верность...

Булавенко по своей охоте заиграл о Лизавете, которая не спит до самого рассвета, ожидая весточки от друга. Он хотел нас развеселить и старался вовсю... О какой только Лизавете думал он сам? Ему писали две девушки. С каждой Леня был знаком по одному дню. Полька Эва-Иоланта не очень хорошо знала русский язык и в своих письмах называла Булавенко «Лоней».

В мягком кресле под музыку Булавенко старшина Низколобов заснул. Это мы установили, когда концерт окончился и когда, закрыв окна маскировочными шторами, снова зажгли в гостиной свечи. На какой песне заснул старшина? Впрочем, это не имело значения. О девушках он не думал, у него была жена, дети, дом. Старшина, должно быть, лучше нас понимал, что ночь дана для того, чтобы спать.

Утром, отсидев свою очередь на наблюдательном, Булавенко спать не лег. Он был возбужден и весел. Пока все спали, он писал ответы.

День был по-настоящему майский. Светило солнце, в розовым блеском ему отвечало море. Бескрайняя ширина воды сливалась вдали с небом. Над морем носились чайки. Изредка постреливала наша артиллерия, и еще реже отзывались немцы. Полил теплый майский ливень. Он перестал так же неожиданно, как и начался. Под окнами дома сочно зеленели газоны.

В полдень нам нужно было отнести офицеру разведки карту, на которую ежедневно мы наносили огневые точки противника. Идти в штаб попросился Булавенко. А через несколько минут его убило осколком снаряда. Под самыми окнами нашего белого дома, на песчаном пляже.

Хоронили друга на следующий день. В соснике, выросшем на сыпучих морских дюнах, мы вырыли могилу. Она была лучше, чем могилы тех, кто погиб раньше. Мы теперь не спешили, война кончалась...

В брезентовой сумке Булавенко мы нашли все письма — и дорогобужская Катя, и Эвы-Иоланты из литовского города Калвария. Там лежали и два неотосланных Булавенко треугольничка. Их мы не отослали. Леня писал только о том, что война кончается. В одном письме он обещал заехать в Калварию, в другом — в Дорогобуж.

После смерти Булавенко мы заметили то, чего не замечали раньше. На фотокарточках Эва-Иоланта и Катя были очень похожи друг на друга. Можно было подумать, что они сестры. Мы написали каждой, что Булавенко ее любил.

К вечеру противоположный берег сдался. Вели пленных.

Перевела с белорусского
К. ДОБРОВОЛЬСКАЯ

А. МЕЖИРОВ

МЕДАЛЬОН

...И был мне выдан медальон
пластмассовый.
Его хранить велели на груди,
Сказали: «Из кармана не выбрасывай,
А то... не будем уточнять... Иди».

Гудерман гудел под самой Тулою.
От смерти не был я заговорен,
Но все же разминулся с пулей-дурою
И вспомнил как-то раз про медальон.

Мою шинель походы разлохматили,
Прожгли костры пылающих руин.
А в медальоне спрятан адрес матери:
Лебяжий переулок, дом 1.

Я у комбата разрешенье выпросил
И, вдалеке от городов и сел,
Свой медальон в траву густую выбросил
И до Берлина, невредим, дошел.

И мне приснилось, что мальчишки смелые,
Блуждая утром от села вдали,
В яру орехи собирал спелые,
Мой медальон пластмассовый нашли.

Они еще за жизнь свою короткую
Со смертью не встречались иначе,
И, странною встревожены находкою,
Присели, опечалясь, на траву.

РАЗГОВОР ЛЮДЕЙ

Рассуждения о рассуждениях

Не раз приходилось мне слышать такие рассуждения: «Вот, мол, в деревне сейчас все механизировано, облегчается труд в животноводстве, механизация проникает во все отрасли сельского труда, что не может не отразиться на облике деревенской женщины. Уже сейчас формируется новый ее тип — более нежный, душевно более тонкий. Нынешняя деревенская девушка, пожалуй, ничем не уступит Татьяне Лариной. Она грамотна не менее той, она много читает. Если перечислить круг ее любимых авторов, то он не меньший, чем у любимицы Александра Сергеевича. И, конечно же, как девушки всех времен, она прежде всего ищет «про любовь». Почитывает она и нас, пишущих о ней, читает и не узнает себя. Про Татьяну написано так красиво, а про нее:

К великой радости родни
Ей начисляли трудодни.

Дальше этого поэт не идет. А она столько писем сочинила своему любимому, придумала для него столько нежных слов. Попадись они, эти слова, переводчику, привыкшему к подстрочникам, и появятся стихи, полные страсти. Если ее нарисовать только такой, какая она уже есть, то она будет хороша. Если же ее изображать такой, какою она себя **хочет видеть**, она будет прекрасной. Почему же мы не делаем этого? Потому что мы не замечаем перемен в жизни и по старинке думаем, что рабочий или крестьянин не поймет красоты. А пора бы сказать:

Довольно нам перед будущим
Трясти пролетарским рубищем!

Время поэтических обещаний прошло. Слишком много взято авансов. Пора расплачиваться. Наступает время поэтической конкретизации образа, время нового героя, который уже не хочет жить в наших поэтических бараках с фанерной перегородкой и печкой-времянкой, с общими нарами, где трудно разобрать, чья нога — твоя или моя. Пора и нам, поэтам, решать жилищный вопрос — строить добротные дома, а мерку брать с человеческой души.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ о «строительном материале».

В море уровень воды падает медленно. Каспий сбе море как море, но его обмеление уже тревожит ученых. А разве не то же самое происходит с русским языком? Нужно отдать должное писателю А. Югову и другим, выступившим с интересными статьями на эту тему. Если литераторами не употребляются какие-то слова, — значит не выражаются какие-то чувства и мысли. Однажды Михаил Светлов признался, что одно из лучших его стихотворений «Итальянец» зачалось со звучного притягательного слова. Оно призвало другие слова, такие же емкие, звучные. Они пришли, как равные, и встали в строй. И уже не узнать, какое среди них пришло первым.

Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты на поле?
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заливом?

Итак, объявлена тревога: идет оскудение русского языка. Многие слова не обращаются в литературном процессе лежат мертвым капиталом. Даже хуже того. Вместе со словами забыты какие-то сокровенные уголки русской души. Кому, как не критику, ратовать за обогащение нашего поэтического языка! Ан нет. Не так давно в литературном институте шла защита дипломов. Обсуждалась работа молодого поэта, казаха, пишущего на русском языке. Большинство стихов посвящено Казахстану, его природе. И это дало основание критику заявить, что вот и без знания родного языка можно стать национальным поэтом. Нет ничего ошибочней и вредней такого утверждения. Если поэт пишет по-русски, значит, он и мыслит по-русски. Точность описания казахстанской природы не дает оснований назвать его национальным поэтом. Русский художник Верещагин прекрасно изображал Восток, но там никто не называет его своим национальным художником. Верить в то, что без знания родного языка можно стать национальным поэтом, все равно, что верить в непорочное зачатие.

Язык нельзя изучить только по словарям и книгам. В словарях слово неподвижно, тогда как в жизни оно имеет множество поворотов и в каждом повороте свой оттенок. Точно так же можно сказать и о литературе. Чтение художественной литературы обогащает язык, но возлагать на это слишком большие надежды для поэта было бы опрометчиво. Здесь слово уже отработало в нужном повороте, повторять который бессмысленно. Вы можете отыскать в книгах красивое слово, но вы никогда не извлечете из него красоты, пока не узнаете, как оно работает в жизни. Знание языка — это знание жизни, знание ее оттенков.

Незнание жизни заметно сказывается на словаре самых молодых, только вступающих в наши ряды. У них есть ритмические поиски — это хорошо. Но плохо, что в их стихах замечается неоправданное изобилие гастрономических и мелкобытовых сравнений. Маяковский от малого — от блюда студня — шел к большому: к косым скулам океана, а молодые поэты идут обратно — от большого к малому: от молний к трещинам на стене. Это приводит и к снижению идеала красоты:

Долой Рафаэля!
Да здравствует Рубенс!

Надо разобраться, чем поменял молодому поэту поэтичнейший образ Мадонны с младенцем. Не своей ли возвышенностью и одухотворенностью? Но кому, как не поэту, приветствовать ее? Я не против Рубенса с его тяжеловесной приземленностью, но зачем же свергать Рафаэля с его великой идеей служения человечеству? Быть женщиной Рубенса легко, быть Мадонной Рафаэля трудно, не только трудно, даже трагично. Разговор о старых художниках не праздный, он сегодня злободневен. Речь идет о том, по какому пути пойдет молодая поэзия — по легкому, внешне эффектному, или по трудному, но благородному, выбранному не из прихоти сердца, а из долга перед людьми.

Хочется сделать еще одно замечание. Мы недовольны состоянием своей поэзии, и это справедливо. Нельзя двигаться вперед, не осознав ее недостатков. Но нельзя двигаться вперед, не оценив ее достоинств. Классическая литература формировалась веками. В Пушкине, Лермонтове, Некрасове она достигла вершин. Мы создали литературу за сорок лет — литературу с принципиально новыми героями как в прозе, так и в поэзии, мы выдвинули имена, которые не стыдно поставить рядом с классиками. Это Маяковский, Есенин, Твардовский, Смеляков.

Поэтическая эстафета продолжается.

Стокгольм, 8 мая

СЕГОДНЯ, в три часа дня, в рабочем районе Стокгольма, в залах народного дома «Медборьерхюсет», открылась юбилейная сессия Всемирного Совета Мира.

Кажется, трудно было бы выбрать лучшее место для встречи друзей мира, чем весенний Стокгольм. Здесь все зазеленело, цветут вишни, а северное солнце греет почти по-южному. И здесь люди не одобряют атомного психоза заокеанских генералов. И в этой стране жители осуждают действия, направленные на возрождение этого германского милитаризма. Наиболее жгучие мировые проблемы вырисовываются отсюда как бы с еще большей выпуклостью, нависшие над человечеством угрозы приобретают особенно отчетливые очертания.

Хочу, чтобы меня правильно поняли. Когда беседуешь с людьми Запада — из Европы или Америки, на первый план выдвигается проблема Германии, вопрос о будущем статусе Западного Берлина, о мирном договоре, о недопустимости появления чего-то, очень похожего на мрачное прошлое. Говоришь с делегатом из Японии и остро чувствуешь, что атомная угроза, опасность, которую таит в себе испытания ядерного оружия, — проблема общечеловеческого значения. Народы Азии обеспокоены попытками определенных кругов искусственно противопоставить одну азиатскую страну другой, сколотить новые блоки для подготовки агрессивной войны в интересах умирающего колониализма. Свои большие проблемы у африканцев, у стран Латинской Америки, у народов, еще не отвоевавших национальную независимость...

В этом островном городе, ко всем уголкам которого протянуло свои заводи Балтийское море, посланцы народов смогут спокойно и серьезно обсудить все насущные проблемы. До каждой из них есть дело участникам Всемирного движения сторонников мира! Делегаты, съехавшиеся сюда, умудрены большим опытом борьбы, они знают, что мир — неделим. Угроза, нависшая, казалось бы, лишь над одной страной или группой стран, при внимательном рассмотрении оказывается проблемой всеобщего значения.

Сессия эта юбилейная. За десятилетие движение сторонников мира добилось немалых успехов. Но, видимо, только первое заседание, вернее, его первая половина будет носить торжественный характер. Краткие вступительные речи, волнующая процедура раздачи медалей в связи с десятилетием движения — медалей, на одной стороне которых изображен голубь мира Пикассо, а на другой — профиль великого ученого и борца за мир Фредерика Жолио-Кюри, — таково содержание этой маленькой части сессии.

Сейчас же после перерыва начнется деловая работа, посвященная не прошлому, а ближайшему будущему, очередным задачам движения.

Гордое сознание того, что минувшие десять лет не прошли бесследно, что они дали людям очень и очень много, вполне закономерно, и оно звучит во всех беседах с делегатами.

Секретарь Шведского комитета защиты мира Антони Странд говорит:

— О миролюбии нашей страны свидетельствует то факт, что Швеция не вела ни с кем войны уже сто пятьдесят лет. Но людей, которые рассуждают: «ничего, пусть война стороной пройдет», — у нас теперь становится все меньше и меньше. Всем ясно, что современная война может и не пройти стороной. Десять лет назад у нас была лишь горстка активных сторонников мира, ныне их — десятки тысяч. Шведский народ — за мир, за счастье юношей и девушек, за задорный смех детей на улицах городов и поселков, за жизнь, против атомной смерти!

— Сейчас мы стоим на пороге важных событий, — сказал мне один западноевропеец. — 11 мая в Женеве начинаются переговоры министров иностранных дел Востока и Запада, а летом, можно надеяться, соберется и совещание в верхах. Но ведь это исполнение наших требований, это в немалой мере заслуга движения сторонников мира, настаивавших на том, чтобы все спорные вопросы решались за столом переговоров!..

Это бесспорно. Но также бесспорно, что народные массы и сейчас не могут отойти в сторону и сложа руки ждать, как решат судьбы мира министры и главы правительств. Надо по-прежнему действовать. Надо добиваться, чтобы переговоры привели к положительным результатам, а не к тому, о чем тайно мечтают враги мира, — к дальнейшему обострению международной напряженности. Положительный результат представляется участникам и гостям сессии очень отчетливо: это ликвидация «холодной войны», ликвидация напряженности, установление обстановки подлинного мира и безопасности. Добрососедское сосуществование и мирное соревнование государств разных социальных систем должны стать действительностью, а «холодная война» и гонка вооружений — превратиться лишь в одно из неприятных воспоминаний. Рекомендации сессии о конкретных проблемах современности мы, несомненно, услышим.

Сессия Всемирного Совета Мира только начала свою работу, но ее значение подчеркнуто многочисленными приветствиями и пожеланиями успеха, пришедшими сюда со всех концов света, в том числе — от глав многих правительств. Оно подчеркивается и составом, представительным характером делегаций. Примечательно, что впервые на заседании Всемирного Совета Мира участвует большая делегация из США — 16 человек. Из ГДР и ФРГ прибыло более 30 общественных деятелей. Китайская делегация, возглавляемая Го Мо-жо, насчитывает 42 человека. Всего прибыло примерно на 100 человек больше, чем ожидалось. Нет сомнения в том, что движение сторонников мира станет в ближайшее время еще более широким, еще более влиятельным и активным.

Б. ЛЕОНТЬЕВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Стокгольм, 8 мая. (По телефону).

МИЛИТАРИСТЫ СОВЕТУЮТСЯ...

Правящие круги Западной Германии стремятся помешать успеху Женевского совещания министров иностранных дел.

— Куда будем стрелять? По Востоку или по Западу!

— Сначала — по Женеве!

Фотомонтаж из немецкой газеты «Нойес Дейчланд»

Перед Первым мая в Западном Берлине, у здания бывшего рейхстага, в непосредственной близости от границы секторов, бульдозеры американской армии расчистили площадь от руин. На ней состоялась антисоветская майская демонстрация, в которой, по воле западноберлинского бургомистра Willy Brandt, участвовали реваншистские «солдатские союзы» и фашистские объединения.

Один западноберлинский рабочий — другому: — Взять бы штук десять таких бульдозеров да и очистить Первого мая площадь от неофашистов и милитаристов! А затем уже отпраздновать Первое мая по старой традиции...

Рисунок для «Литературной газеты» немецкого художника ЭРИХА ШМИТТА

ГЕРМАНИЯ

М. АЛИГЕР

1. БЕРЛИН

Кто хвалится, что сердце его осталось целым, тот признается в том, что у него прозаичное, далекое от мира, глухое закоулочное сердце. В моем же сердце прошла великая мировая трещина...

Генрих Гейне

Тому уже более сотни лет,
о родине думая на чужбине,
сказал однажды немецкий поэт,
что мир разорван посередине.
Он прямодушно признался сам,
сердце горячее раскрывая,
что расколота его пополам
великая трещина мировая.
Кровоточащая и глубока,
словно граница мрака и света,
она рассекла тебя на века,
центр мира — сердце поэта.
Минуло более сотни лет,
грустный шутник, веселый философ.
Семь тысяч бед и один ответ
на семь миллионов проклятых вопросов.
Недаром в чудовищах будит страх
голос, требующий ответа,
Недаром фашисты жгли на кострах
книги песен того поэта.

В гуле событий, в движении дней,
в средневековье фашистских огней
не догорел этот голос вещий.
А трещина становилась видней,
определеннее и зловещей.
Незаживающий черный шрам,
перерубивший живую душу, —
трещина эта рвала пополам
небо и землю, море и сушу.
Шла вдоль газетных и книжных строк,
неразличима с первого взгляда,
городила улицы поперек
и называлась: баррикада.
Взвиваясь ракетой то тут, то там,
сводки последние передавая,
трещина эта шла до фронтам
и называлась: передовая.
И став оцоренным рубежом, —
как будто война идет и поныне, —
она горит, как удар ножом,
немецкий поэт, у тебя в Берлине.
Она угрожающе глубока,
как полынья на весенней льдине...
И разрывается сердце, пока
мир разорван посередине.

2. ВЕЙМАР

В Веймаре, на улице против дома, где жил и умер Шиллер, расложен фонтан, украшенный фигуркой человека с гусями.

Человечек с гусями, человечек
с гусями
из закате осеннего дня.
...Словно детство забытыми голосами
окликает меня.

Я любила немецкие добрые сказки
про лукавых портняжек, свинопасов
и королей...
Но — зеленые каски, железные каски
вдоль неубранных русских полей...

Перла ржавая лава, в пути ничего
не жалея,
за спиной оставляя руины в огне
и крови.
Мудрено ли, что ты задохнулась
в дыму, Лорелея!
Фердинанд и Луиза, коварство
сильнее любви!

Но страшнее коварства свинцовые
обручи страха,
наваждень Лесного Царя.
Все органы Германии пробуют фугами
Баха
заглушить ваши вопли, фашистские
концлагеря.

В узкой улочке — плащ и
широкополая шляпа.
Доктор Фауст, куда вы? Вернитесь!
Захлопните двери!
Вас втолкнули в машину.
Скрещенные кости.
Гестапо.
Доктор Фауст, что будет теперь?!

Может статься, вы встретитесь с вашим
приятелем старым
в Бухенвальде... Каких не бывает
чудес?
Мефистофель и Фауст — соседи по
нарам.
Ты смешон, старомодный,
переплюнутый Гитлером бес.

Ты, немея, глядишь, посрамлен
и встревожен,
на беззвучные шприцы врачей,
на изделия из человеческой кожи,
на холодное пламя печей.

Бедный бес, это все неудомек тебе
было, однако.
В дни, когда ты всего лишь творил
чудеса.
Как мелки они были!.. Ты слышишь?
Восходят из мрака
голоса, голоса, голоса...

Это песню поют неподвластные страху
в бухенвальдской кровавой ночи.
Коммунистов ведут на расстрел,
в душегубку, на плаху,
но от страха дрожат палачи.

Голоса эти гордые слушай, имеющий
уши,
и впивайся во мрак, не зажмуривай
глаз.
Никому, никогда эти люди не продали
души.
Старый бес, кто бессмертней из вас?

Не кончается жизнь, и не гаснут
великие цели,
не бледнеет пролитая кровь,
не смолкает та песня, которую
смертники пели,
Фердинанд и Луиза, сильнее коварства
любовь!

Меж войною и миром граница лежит
за лесами...
В доме Шиллера вспыхнула рабочая
лампа в окне...
Здравствуй, старый дружок, человечек
с гусями,
Ни в каком не сгоревший огне.

Историческая альтернатива

А. ЛЕОНИДОВ

В ИСТОРИИ не раз бывало, что решение, принятое в критический момент одной из великих держав или группой держав по важному международному вопросу, как бы ставило веху для целого периода. Впоследствии оказывалось, что оно определило дальнейший ход событий на многие годы и даже десятилетия.

Сторонники Запада и сторонники социалистического лагеря придерживаются противоположных мнений по важнейшим вопросам современности. Но и те, и другие, вероятно, согласны с тем, что в ближайшее время предстоит сделать окончательный выбор между двумя историческими перспективами: продолжение «холодной войны» со всеми ее последствиями или эра мирного сосуществования.

Третьей перспективы не существует. Уклониться от ответа, спрятаться от альтернативы нельзя. Вряд ли возможно и без конца кружить от одной перспективы к другой, вновь и вновь затягивая окончательное решение. История не ждет; она требует ясности в кардинальных вопросах и сама вносит ясность, если дипломаты лавируют, уклоняясь от ответственности. Народы настаивают на решении. Военная техника в нашу эпоху движется вперед небывалыми, фантастическими темпами. Только настоящий, прочный мир может парализовать динамику «холодной войны».

Трудно принять всерьез и такие хитроумные выдумки, как «компромисс» между «холодной войной» и миром, теорию о «чередовании» того и другого и тому подобное. Это все та же попытка спрятаться от действительности. Международная политика — не судебный процесс, в котором ловкие адвокаты могут пускать в ход пустые формулы казуистики, чтобы обойти вопрос. Жизнь требует прямого ответа: кончится ли «холодная война» или нет?

Международное положение сложилось так, что ответ на этот вопрос во многом зависит от того, будет ли заключен Мирный договор с Германией. В этом нет ничего удивительного. И первая, и вторая мировая война были связаны с Германией. Ныне Запад и Восток расходятся по целому ряду пунктов. Вряд ли, однако, будет преувеличением сказать, что первый из этих пунктов и теперь — германский вопрос. Больше того: германский вопрос «делает погоду». Если бы удалось уладить или хотя бы смягчить разногласия относительно Германии путем заключения Мирного договора, то это, несомненно, позволило бы положить начало концу «холодной войны». И столь же несомненно, что отказ от мирного разрешения германского вопроса может повернуть колесо международной политики в сторону второй исторической перспективы: туда, где витает призрак третьей мировой войны. Почему это так?

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ, основной предмет спора: быть или не быть в третий раз германскому милитаризму? Советский Союз говорит: «не быть», Запад все еще отвечает: «быть». О том, какие последствия влечет за собой такой ответ Запада для самих немцев, спорить не приходится. Характер цепной реакции, угрожающей Западной Германии, не оставляет сомнений: милитаризм — реваншизм — фашизм — атомная смерть. Но цепная реакция не ограничивается ФРГ.

Почти никто из серьезных наблюдателей уже не сомневается в том, что произойдет в Западной Европе, если боннским милитаристам будет дан зеленый сигнал. Неосторожно, что в течение нескольких лет военное, экономическое и политическое господство в этой части материка перейдет в руки Западной Германии. Один из боннских министров однажды сказал: «Если мы получим 12 дивизий, то мы получим господство в Европе». Как недавно заявил министр обороны ФРГ Штраус, бундесвер будет насчитывать 30 дивизий, полностью оснащенных атомным оружием.

Цепная реакция началась. Если она будет продолжаться, то в Западной Европе в 60-е годы, по сути дела, произойдет то же, что произошло там в 30-е годы, хотя и в другой форме. Западная Германия постепенно оттеснит Англию и Францию с первых мест, а затем начнет диктовать своим союзникам на западе, северо-западе и юге Европы.

В 30-е годы Гитлер добился преобладания в Западной Европе путем последовательного шантажирования Англии и Франции. Все помнят, как это делалось. В 60-х годах прусский генеральный штаб в Бонне будет добиваться того же, но уже не в качестве потенциального противника, а в качестве их партнера, наиболее деятельного участника «европейской армии». При всем различии методов результат один и тот же.

Много лет назад один из виднейших идеологов германского милитаризма Максимилиан Гарден требовал, чтобы Германия, в зависимости от условий, применяла как тот, так и другой метод для установления своего господства в Западной Европе. В 1911 году Гарден писал в своем журнале «Цукунфт»: «Нужно заставить Францию сделать выбор. Мы хотим идти вперед, но мы это сможем сделать лишь в том случае, если еще раз разгромим Францию или заставим ее заключить с нами прочный союз... Поскольку западные державы ограничивают наше право на жизнь, нужно, чтобы мы либо привязали к себе одну из них, либо избавились от них путем насилия».

С точки зрения германского милитаризма слова Гардена столь же пригодны в 1959 году, как в 1911 и в 1938 годах. Гитлер также вначале пытался применить метод № 1, втягивая Англию и Францию в мюнхенский блок. Когда дело расстроилось из-за того, что народы этих стран отказались идти по пути мюнхенцев, Гитлер применил метод № 2 — насилие.

Вполне возможно, что примерно такой же или весьма сходный план, предусматривающий чередование этих двух способов «движения вперед», затоплен и в политической лаборатории нынешних боннских партнеров НАТО.

ЧТО СДЕЛАЕТ германский милитаризм, захватив господство в Западной Европе? Нет смысла заниматься предсказаниями. Лучше вновь обратиться к свидетельствам прошлого. Это — неопровержимый материал, а выводы из него может делать каждый.

15 мая 1923 года, через четыре с половиной года после поражения Германии в первой мировой войне, фельдмаршал Гинденбург сказал американцу Макмэтону: «Мы отомстим, даже если на это потребуется 100 лет, ибо история повторяется, и чего я хочу больше всего в этом мире, это, чтобы я сам смог взять в руки оружие против Франции».

Гинденбургу было 76 лет. Он умер на посту рейхспрезидента за пять лет до того, как его ставленник Гитлер привел в исполнение эти слова.

20 лет спустя Гитлер проигрывает вторую мировую войну. В 1944 году бывший командующий германскими войсками в оккупированной Франции генерал Штюльпнагель пишет меморандум, в котором рассматривает причины нового поражения Германии и определяет условия ее победы в новой войне, которая, по его мнению, произойдет через 25 лет. Штюльпнагель пишет: «Мы должны даже стремиться к тому, чтобы посеять семена будущих раздоров в следующем мирном договоре... Никакое поражение не является окончательным. Поражения — это лишь уроки, которые следует усвоить, готовясь к следующему, более сильному удару».

Сеять раздоры между победителями, сталкивать их друг с другом, всячески разлувать между ними «холодную войну» — в этом заключался смысл завещания старых германских милитаристов их преемникам. Один взгляд на нынешнюю действительность достаточен для того, чтобы удостовериться, насколько точно выполнялось это завещание. Чем сильнее становится бундесвер, чем больше Западная Германия укрепляет свои позиции внутри Атлантического блока, тем активнее пытается Бонн разлуть «холодную войну» между Западом и Востоком.

Так вырисовывается второе звено в этой исторической цепочке. Аденауэр и Штраус действуют по одному и тому же плану, намеченному 15 лет назад. Поражение — подготовка к новому удару с удвоенной силой, учил Штюльпнагель. Можно ли предположить, что на Западе ничего не знают об этом «учении» и поэтому ничего не видят? Нет, и в Лондоне, и в Париже, и даже в Нью-Йорке прекрасно знают Аденауэра. И все-таки на дороге германского милитаризма по-прежнему виднеется зеленый сигнал, данный Западом.

Не требуется особых усилий ума, чтобы представить себе последнее звено в этой исторической цепочке. Законы движения германского милитаризма хорошо известны. Сорвавшись с цепи, он неизменно движется по одной и той же дороге, хотя не обязательно в одном и том же географическом направлении.

Можно ли предположить, что современные германские милитаристы в самом деле решатся вовлечь западный мир в атомную войну — ту войну, которая, по общему признанию военных экспертов, прежде всего уничтожит ФРГ? Поверить в это нелегко. Но и по этому пункту есть веские свидетельские показания.

Год назад в Западной Германии вышла книга И. Барника «Германские козыри», которую гамбургское радио назвало наиболее значительной «публикацией по германскому вопросу после 1945 года». В письме к издательству министр обороны ФРГ Штраус сообщил, что он прочел произведение Барника «с огромным интересом и вниманием». Читателям давалось понять, что на книге — штамп полуофициальной апробации.

Барник пишет о подготовке Германии к будущему, то есть, с его точки зрения, к третьей мировой войне. Самое интересное в его книге — ее откровенность. Автор считает, что в результате атомной войны население Западной Германии сократится с 50 примерно до 15 миллионов человек. Вывод, который он делает, следующий: «Германия должна неустрашимо делать свое дело, что бы вокруг нее впоследствии ни произошло... Германия должна воевать... даже в том случае, если атомная война действительно являлась бы неизбежной».

Не следует считать Барника психопатом. Автор книги «Германские козыри» — идеолог современной школы прусского генерального штаба, верный ученик Гинденбурга и Штюльпнагеля. Он применяет их заветы к нынешним условиям с предельной аккуратностью, характерной для этих людей. То, что он пишет, думают в штабе германского реваншизма. И если барники и их закулисные единомышленники готовы пожертвовать жизнью двух третей населения Западной Германии, то остановятся ли они перед тем, чтобы вовлечь в атомную катастрофу союзников Западной Германии?

Возможно, что в критический момент многие горячие головы в столицах Запада протрезвеют и попытаются приостановить цепную реакцию. Но будет ли на это время? И согласны ли современные германские реваншисты, подобно Гинденбургу, ждать 100 лет?

ПРОТИВНИКИ советского проекта Мирного договора с Германией оправдывают свой отказ согласиться на ликвидацию германского милитаризма военно-стратегическими соображениями. Они заявляют, что принятие советских предложений будто бы ослабит обороноспособность Запада по сравнению с обороноспособностью Востока. Советский Союз, как известно, предлагает, чтобы из Германии были выведены как войска Соединенных Штатов, Англии и Франции, так и советские войска. Против этого выдвигается довод, что после прекращения оккупации американские войска оказались бы от Германии дальше, чем советские войска.

С географией не спорят. Но вот 11 марта Эйзенхауэр заявил следующее: «Мы, конечно, не собираемся вести войну на суше в Европе. Какой смысл посылать еще несколько тысяч солдат или даже несколько дивизий в Европу?»

Чрезвычайно любопытно Эйзенхауэр мотивировал это заявление тем, что силы Советского Союза на суше в Европе в любых условиях намного превосходят силы НАТО. Ясно, однако, что он имел в виду и нечто другое: тот переворот в области военной стратегии, который произошел в последнее время в результате появления межконтинентальных ракет.

Если Соединенные Штаты не собираются вести войну на суше в Европе, то о каком ослаблении обороноспособности Запада в результате вывода всех иностранных войск из Германии и ее включения в зону ограниченных вооружений может идти речь? Разве не ясно, что дело тут в «ослаблении» агрессивного германского милитаризма, а вовсе не в ослаблении обороны Соединенных Штатов?

В этой аргументации концы опять не сходятся с концами. В силе остается все тот же вывод. Оберегая интересы германского милитаризма, Запад ничего не выигрывает, а потерять может все. Такова одна историческая перспектива, связанная с решением германского вопроса.

Вторая перспектива также основана на «цепной реакции», но в обратном направлении. Ампутация милитаристской опухоли на теле Западной Германии обещает последовательно изменить обстановку в мире.

Бесспорно, что мирное разрешение германского вопроса привело бы к самой серьезной разрядке международной напряженности за последнее десятилетие. Достаточно задуматься над прямыми последствиями такого события, чтобы понять: именно в этих условиях станет, наконец, практически возможным прекращение «холодной войны». Став фактором мира, вся Германия будет в такой же мере способствовать укреплению международной безопасности, в какой германский милитаризм способствует приближению третьей мировой войны.

Но для того чтобы этого добиться, нужно приступить к делу. 19 февраля 1959 года конгрессмен Купер заявил в американском сенате во время обсуждения берлинского вопроса: «Я согласен, что лучше подождать 10—15 лет, чтобы достигнуть справедливого решения...»

Лучше ли? И можно ли ждать с делом мира еще 10—15 лет? Наше время — эпоха Венского конгресса, когда история двигалась черепашьим шагом и политики в расшитых камзолах годами заседали на мирных конференциях и банкетах. Во второй половине XX века откладывать мир нельзя.

Третий Брандт

ФЕЛЬЕТОН

Михаил СВЕТЛОВ

БРАНДТ! Знакомая фамилия. Я заглянул в Малую Советскую Энциклопедию. Было два Брандта. Один — известный зоолог, другой — польский живописец-реалист. Поздравляю человечество — появился третий Брандт, градоначальник Западного Берлина. Он глядит на меня с фотографии и производит впечатление совсем неглупого человека (спасибо ему хотя бы за это!).

Я долго думал, в какой тональности писать мне этот фельетон. И решил — в спокойной тональности. Спокойствие сильнее бешенства. Заходите, герр Брандт, я очень гостеприимен (на столе большая банка зернистой икры). Закусим и поговорим.

Я за свою жизнь видел множество вдов и сирот. Вы считаете, что в Германии их мало? Вы хотите увеличить их число? Судя по вашим выступлениям, — хотите. Говорят, что вам принадлежат зловещие слова: «Берлин стоит войны». Это вам поручено отравить обстановку предстоящего совещания министров иностранных дел в Женеве.

Вот передо мной огромное количество материалов о вашей жизненной деятельности. Я не стану прибегать к их помощи. Во-первых, я буду повторяться, во-вторых, я потеряю спокойную тональность, и, в-третьих, вы сегодня мой гость, и не имею права быть грубым с вами — я по всему Советскому Союзу славлюсь как гостеприимный хозяин.

Что сейчас происходит на свете? То, что всегда происходило, — борьба добра со злом. И вы должны примириться с одним весьма печальным для вас обстоятельством: добро обязательно победит зло.

Я принимал участие в двух войнах — гражданской и Отечественной. Люди, стоявшие со мной в одном ряду, готовы были в любую минуту пожертвовать своей жизнью. На их знамени самыми крупными буквами было обозначено слово: Справедливость. А теперь давайте подумаем: справедлив ли был Гитлер? Слезы людей, потерявших все самое дорогое, еще не испарились ни в Германии, ни в России. Вы хотите создать новые кучевые облака слез? Ваша родина вас не поблагодарит за это.

Вы все время очень воинственно настроены, конечно, в первую очередь против Советского Союза. Смешно. Такое у меня впечатление, будто манекен угрожает живому человеку.

Я не сомневаюсь в том, что вы хотите, чтобы Германия была могущественной. Поговорим о самом качестве могущества. Есть могущество палача. Но даже крепко связанная справедливость могущественней своего палача. Это доказано историей.

Вы обер-бургомистр Западного Берлина. И вы подумайте о следующем — в наше время не может быть существования без сосуществования. Если вы действительно любите свою Германию, вспомните о русском солдате. С какой простью он ворвался в Германию! Правда, эта ярость быстро прошла. Мы почти весь свой паек отдавали немецким детям. Чувства одинаково не повторяются. И доброта, и ярость могут возрасти во много раз. Если вы действительно любите свое отечество, учтите и это обстоятельство.

Наш принцип: живите так, как нам угодно, а мы будем жить, как нам угодно.

Странно мне слышать, когда говорят об «экспансии коммунистов». Неужели то огромное строительство, которое мы развернули, мы мечтаем подставить под ядерные взрывы? Может ли нормальный человек так подумать? Нам так не хочется сжимать кулаки, когда пальцы нужны не для драки, а для строительства. А когда я думаю о вас, я опять вспоминаю старую истину — кулак лилипута кажется большим только самому лилипуту.

Вот и пришел конец этому фельетону. Шнапс выпит, икра доедена, беседа окончена...

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литератур народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты». Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—02110